

КОМПАНИИ-ГАЗЕЛИ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: УСТОЙЧИВОСТЬ РОСТА, ИННОВАЦИОННОСТЬ, РЕАКЦИЯ НА КРИЗИСЫ

*Д.С.МЕДОВНИКОВ, С.Д.РОЗМИРОВИЧ, Т.К.ОГАНЕСЯН,
А.К.СТЕПАНОВ, С.А.МАЗУРОВА
НИУ ВШЭ, Россия*

Цель исследования: проверка наиболее популярных в мировой литературе гипотез о «газелях» (быстрорастущих компаниях) на основе российских эмпирических данных и данных статистики. **Методология исследования:** кабинетное исследование публикаций; анализ статистики по базе данных Ruslana (Bureau van Dijk / Moody's Analytics), содержащей финансовые показатели, данные налоговой отчетности и другую информацию; анализ сведений из баз данных СПАРК и ФИПС (Роспатент) о наличии объектов интеллектуальной собственности; опрос предприятий методом формализованного интервью по стандартизированной анкете. **Результаты исследования:** продемонстрирован ключевой вклад сектора быстрорастущих компаний в экономический рост и рост занятости. Показано, что 77% компаний-газелей имеют эпизоды роста в прошлом, и это не подтверждает гипотезу о неустойчивости роста большинства из них и может служить основанием для использования критерия быстрого развития при селективной государственной поддержке бизнеса. Установлено, что инновационно-активные компании демонстрируют более устойчивые темпы быстрого роста на протяжении пяти лет, предшествующих анализу. На основе опроса предприятий сформулировано предположение о высокой устойчивости российских быстрорастущих компаний к внешним шокам (пандемия, военная активность РФ и санкции) и их готовности к продолжению роста, несмотря на трудности и риски. **Оригинальность и вклад авторов:** в исследовании впервые в России с использованием всеобъемлющей базы статистических данных подвергнута анализу вся совокупность российских быстрорастущих компаний. Это позволило сравнить указанные компании из разных секторов и выявить их отраслевую специфику, в том числе выделить группу инновационных быстрорастущих компаний и показать их особенности. Результаты анализа статистических данных дополнены материалами, полученными в результате опроса предприятий.

Ключевые слова: компании-газели, быстрорастущие компании, инновации, пандемия коронавируса, санкции против России, экономический рост, быстрый рост, устойчивость роста.

JEL: M13, M21, D21, F43.

Адрес организации: Высшая школа бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия.

© Д.С.Медовников, С.Д.Розмирович, Т.К.Оганесян, А.К.Степанов, С.А.Мазурова, 2023
<https://doi.org/10.21638/spbu18.2023.202>

ВВЕДЕНИЕ

Компании-газели, или быстрорастущие компании (БРК)¹, все чаще попадают в фокус внимания не только ученых и экспертов, но и чиновников, ответственных за курс экономической политики. В мире возрастает число программ поддержки такого рода бизнеса. При этом усиливается понимание значимости данных компаний для развития национальных экономик — изучается их вклад в экономический рост, занятость, присутствие в различных секторах, связь с инновациями. Необходимо отметить, что особое внимание исследователей вызывает устойчивость роста БРК. Пандемия дала дополнительный импульс развитию интереса к БРК, целый ряд авторитетных источников (например, Всемирный банк) указали на ключевую роль газелей в успешном выходе национальных экономик из ковидного кризиса.

В настоящем исследовании на российском эмпирическом материале проверяются самые обсуждаемые в последние годы в мировой литературе гипотезы о быстрорастущих компаниях. Прежде всего речь идет об утверждении, что БРК вносят основной вклад в экономический рост и занятость. Также рассматривается популярный тезис о принципиальной неустойчивости роста БРК, малой вероятности повторения эпизода роста в дальнейшей жизни компании (именно с ним связано скептическое отношение части экспертов к системной поддержке БРК на государственном уровне). Кроме того, верифици-

руется гипотеза об относительной молодости компаний, переживающих фазу быстрого роста. В работе поставлен вопрос о взаимосвязи быстрого роста и инновационности бизнеса, а также корреляции устойчивости быстрого роста и инновационной активности компании.

В течение двух последних лет намечилось увеличение числа публикаций об устойчивости БРК к кризисам, что было вызвано прежде всего пандемией COVID-19. Так как возможности проверить эту гипотезу на статистических данных не было (в исследовании использовались показатели деятельности компаний по 2020 г. включительно), в ходе анализа в марте — апреле 2022 г. был проведен опрос методом формализованного интервью по анкете.

Целью настоящего исследования является углубление понимания роли быстрорастущих компаний в российской экономике и проверка сходств или различий их характеристик с быстрорастущими компаниями за рубежом.

К задачам исследования относится проверка ряда гипотез о быстрорастущих компаниях, а именно:

- вносят ли российские БРК основной вклад в экономический рост и занятость;
- характеризуется ли рост российских БРК неустойчивостью, можно ли говорить о высокой вероятности повторных эпизодов роста в жизненном цикле российских БРК;
- являются ли российские БРК в фазе быстрого роста, как правило, относительно молодыми;
- связаны ли такие характеристики российских БРК, как быстрый рост и устойчивость быстрого роста, с их инновационной активностью;
- верно ли, что российские БРК проявляют повышенную устойчивость в ситуации турбулентности, вызванной пандемией коронавируса.

Статья имеет следующую структуру. В первом разделе представлен обзор мировой и российской научной и аналити-

¹ Далее в тексте статьи преимущественно используется термин «быстрорастущие компании» (БРК) и в меньшей степени «газели». В данном случае не делается различия между терминами. Это связано с тем, что научная терминология в исследованиях БРК (газелей) не вполне устоялась применительно к русскому и английскому языкам. Вопросы терминологии, связанной с БРК, подробно освещены в разделе «Терминологическая неопределенность» в работе [Медовников и др., 2022, с. 15–19].

ческой литературы, посвященной компаниям-газелям. Рассмотрены подходы исследователей к определению характеристик и свойств газелей. Отдельно проанализированы публикации, затрагивающие тему устойчивости БРК в условиях кризисов. Во втором разделе представлена методология исследования, включая источники данных, методы, инструменты и количественные параметры выборок. В третьем разделе рассмотрены и проанализированы показатели и характеристики выборки российских БРК, предложены результаты проверки гипотез исследования. В четвертом разделе представлены результаты опроса компаний с акцентом на проблему устойчивости БРК к кризисам (на материале пандемии коронавируса).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Среди различных факторов, объясняющих резкий рост популярности тематики быстрорастущих компаний, прежде всего необходимо выделить создание новых рабочих мест. Хотя БРК составляют весьма небольшую часть компаний в экономике, в исследованиях утверждается, что именно они несут основную ответственность за этот процесс (наиболее часто цитируются ранний пионерский обзор [Birch, 1981, p. 314], а также доклад ОЭСР [OECD, 2010] и статья шведских экономистов [Henrekson, Johansson, 2010, p. 227–244]).

Во многих более поздних обзорах и публикациях, посвященных БРК, часто упоминается доклад британского Национального фонда науки, технологий и искусства (National Endowment for Science, Technology and the Arts, NESTA) [NESTA, 2009], в котором со ссылками на [Anyadike-Danes et al., 2009; Mason, Bishop, Robinson, 2009] констатировалось, что БРК, составляя 6% от всех компаний в Соединенном Королевстве, в 2002–2008 гг. были ответственными за создание 54% всех новых рабочих мест в стране. Два других популярных источ-

ника по рассматриваемой теме основаны на шведских данных [Henrekson, Johansson, 2010; Daunfeldt, Halvarsson, 2015].

Так, в [Daunfeldt, Halvarsson, 2015] установлено, что в 2005–2008 гг. на долю 6% фирм в Швеции приходилось 42% от всех созданных новых рабочих мест, тогда как авторы работы [Henrekson, Johansson, 2010] на базе шведских данных пришли к выводу, что около 4% местных БРК отвечали за более чем 50% общего прироста числа создаваемых рабочих мест.

Как правило, в ранних обзорах отмечалось, что на долю БРК приходится непропорционально большая доля от общего количества создаваемых рабочих мест среди исследованных фирм. Причем этот тезис позднее достаточно регулярно подтверждался на основе анализа статистики не только в промышленно развитых, но и во многих развивающихся странах.

Прежде всего необходимо выделить монографию специалистов Всемирного банка [Grover Goswami, Medvedev, Olafsen, 2019], в которой приводится множество примеров, наглядно иллюстрирующих базовое утверждение в отношении развивающихся стран. В частности, в Венгрии быстрорастущие фирмы составляют только 16% от всех действующих фирм, но при этом способствуют созданию почти половины от общего числа рабочих мест, тогда как в Турции их число достигает около 20% от общего числа фирм, но при этом они формируют почти 60% новых рабочих мест [Grover Goswami, Medvedev, Olafsen, 2019, p. 12–13].

На приведенном в монографии [Grover Goswami, Medvedev, Olafsen, 2019, p. 13] комбинированном графике по специальной выборке развивающихся стран (Бразилии, Индонезии, Турции, Венгрии, Кот-д'Ивуара и Эфиопии) показано, что, по данным за 2009–2014 гг., в этих странах в компаниях, не относящихся к категории быстрорастущих, было отмечено «чистое» сокращение занятости, а единственными создателями «чистых» рабочих мест были именно БРК.

Полезная новая информация о европейских БРК и их ключевой роли в экономической динамике представлена авторами обзорного доклада ОЭСР [ОЕСД, 2021]. Аналитики ОЭСР особо отмечают, что БРК вносят очень заметный вклад в рост общего объема продаж: так, на их долю пришлось от 51% (в Испании) до 71% (в Финляндии и Португалии) совокупного роста продаж всех малых и средних предприятий (МСП) в исследованных странах за три года (2015–2017). Еще один значимый эмпирический вывод заключается в том, что большинство БРК оказались «зрелыми» МСП, возраст которых в начале периода роста составлял не менее шести лет. Наконец, по мнению аналитиков ОЭСР, «в целом факты указывают и на то, что расширение масштабов деятельности в основном обусловлено стратегическими инвестициями этих компаний в подрывные инновации, направленные на изменение методов их работы или на продаваемые ими продукты и услуги» [ОЕСД, 2021, р. 10].

Тема предположительной позитивной зависимости между высокими темпами роста и уровнем инновационной активности таких компаний на протяжении долгого времени является одной из наиболее актуальных в современной специальной литературе. Так, одной из первых научных публикаций, в которых она рассматривалась в качестве основной, стала статья [Coad, Rao, 2008]. Авторы изначально сделали акцент на анализе влияния инноваций на рост выручки компаний, функционирующих в ряде высокотехнологичных секторов экономики (использовались статистические данные по американской промышленности). В работе сделан предварительный вывод о том, что инвестиции в R&D и патентная активность в целом оказывают определенный позитивный эффект на быстрый рост компаний.

В обзоре [Daunfeldt, Halvarsson, 2015] детально проанализирован феномен БРК на национальном уровне и сформулирована одна из ключевых гипотез, вскоре

получившая широкое признание. Согласно гипотезе, стадия быстрого роста компаний не может рассматриваться как их естественное состояние (natural state), а скорее является переходным процессом, который может происходить в истории компаний не единожды.

Схожие выводы были позднее сделаны и авторами монографии [Grover Goswami, Medvedev, Olafsen, 2019, р. 32], констатировавшими, что быстрый рост не отличается устойчивостью и, возможно, следует вести речь об «эпизодах высокого роста» (high growth episodes), а не о феномене «быстрорастущих фирм» вообще. Это наводит на мысль о расширении методологии исследований БРК: помимо изучения БРК, непрерывно росших в рамках определенного периода, по-видимому, имеет смысл включать в исследование и повторяющиеся эпизоды роста.

Отдельно необходимо остановиться на предпринимаемых в последнее время попытках углубленного изучения поведения БРК в кризисных условиях. Так, в опубликованном в 2021 г. техническом докладе специалистов Объединенного исследовательского центра (Joint Research Centre, JRC) Службы науки и знаний Европейской комиссии (European Commission's science and knowledge service) "High Growth Enterprises in the COVID-19 Crisis Context..." [Benedetti Fasil et al., 2021] была предпринята попытка анализа текущего воздействия кризиса, вызванного пандемией COVID-19, на европейские БРК.

Основной вывод, сформулированный авторами доклада, выглядит следующим образом: «Проведенный анализ роли БРК в предыдущих кризисных и восстановительных периодах показывает, что они обеспечивают положительный экономический эффект в течение всех фаз бизнес-цикла, причем особенно заметное позитивное влияние на этапах восстановления экономики оказывают более крупные БРК» [Benedetti Fasil et al., 2021, р. 61]. Также отмечается, что «БРК, особенно крупные,

значительно повышают общую бизнес-активность даже в кризисные периоды, причем экономическое значение БРК для обеспечения краткосрочного роста (на страновом уровне) почти полностью основано на активности крупных БРК как в фазах роста, так и в еще большей степени в периоды восстановления» [Benedetti Fasil et al., 2021, p. 8].

Рассматривая последние кризисные явления в экономике, исследователи делают акцент на важности внимания разработчиков антикризисной госполитики к БРК: «Несмотря на то, что нынешний кризис не похож на предыдущие финансовые кризисы и кризисы суверенного долга, этот промежуточный вывод, наряду с другими многочисленными свидетельствами особой значимости БРК для экономики в целом, говорит о том, что разработчикам государственной политики следует уделять особое и преимущественное внимание именно этой категории предприятий и создавать для них различные рамочные механизмы и схемы, способствующие их дальнейшему развитию, в контексте более общих усилий по сдерживанию кризиса и обеспечению более быстрого выхода из него» [Benedetti Fasil et al., 2021, p. 61].

В обзорной публикации [Vanno, Varum, 2021], посвященной главным образом анализу воздействия более раннего глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. на БРК Португалии (авторами подробно исследована исходная выборка из более чем 190 тыс. компаний за период с 2007 по 2014 г.), было выявлено, что более устойчивые БРК оказались одновременно относительно более молодыми и наряду с этим более крупными по размеру по сравнению с прочими (менее устойчивыми в кризисных условиях) газелями.

Необходимо сформулировать ряд предварительных оценок влияния на бизнес БРК глобальной пандемии COVID-19 по результатам проведенного анкетирования БРК Бельгии, которое было представлено в публикации [Schepers, Vandekerckhof,

Dillen, 2021, p. 92-96]. В данном обзоре отмечено, что на начальном этапе кризиса COVID-19 преобладающая реакция местных БРК была очень «приземленной» и в основном ориентированной на поиски механизмов и схем краткосрочного выживания. Типичными примерами таких оперативных действий были антикризисное управление денежными средствами, частая и прозрачная коммуникация с сотрудниками и особое внимание к сохранению занятости внутри компаний (иными словами, в начале кризиса COVID-19 компании, ориентированные на рост, прежде всего предприняли достаточно рутинные действия, которые помогли им сохранить свои операционные возможности). Однако, помимо этой «рутинной реакции», как показал анализ, многие местные БРК уже тогда предприняли определенные шаги для создания новых динамических возможностей, в том числе связанные с попытками быстрого апгрейда имевшихся в этих компаниях бизнес-компетенций. Причем концентрация внимания БРК на действиях, связанных с выявлением таких динамических возможностей, стала намного более активной во время второй волны COVID-19.

К числу указанных «динамических решений» можно отнести обновление отношений с ключевыми клиентами, поиск новых направлений и способов ведения бизнеса и меры по налаживанию устойчивых партнерских взаимосвязей. Наконец, как было особо подчеркнуто исследователями, «полученные нами результаты в целом показывают, что предприниматели, ориентированные на рост, все еще весьма позитивно смотрят в будущее. Большинство опрошенных предпринимателей в БРК отметили в своих комментариях, что рост как на национальном, так и на международном уровне по-прежнему занимает важное место в их повестке дня» [Schepers, Vandekerckhof, Dillen, 2021, p. 15].

Одним из пионеров исследований БРК в России является А. Ю. Юданов. Работы профессора А. Ю. Юданова и его соавторов

внесли, возможно, наиболее значительный вклад в изучение БРК в условиях российской экономики. Важно отметить статью [Юданов, 2010], в которой рассматривается феномен фирм-газелей, особенности их развития и причины отклонений от общих тенденций, сложившихся в аналогичных компаниях в развитых экономиках. Также рассмотрена управленческая практика БРК [Юданов, 2012a] и ее особенности [Юданов, 2012b]. В статьях, подготовленных в соавторстве с Ю.А. Полуниним, дана эмпирическая оценка численности российской популяции газелей и рассмотрен типовой цикл жизни быстрорастущей фирмы [Полунин, Юданов, 2016], а также дан анализ международной литературы, посвященной государственным программам стимулирования развития БРК [Полунин, Юданов, 2020]. В недавней статье в соавторстве с Е.И. Барановой предпринята попытка эмпирически выявить стилизованный цикл жизни быстрорастущих компаний [Баранова, Юданов, 2022].

Из представленного обзора литературы можно видеть, что число и разнообразие зарубежных и российских публикаций, посвященных БРК, увеличивается, что подтверждает рост актуальности и практической значимости этой тематики, важной для понимания механизмов экономического роста. Особенно этот рост стал заметен во время и после пандемии коронавируса, которая обозначила характерные особенности БРК, такие как устойчивость к кризисам.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование состоит из двух этапов:

- 1) выделение и анализ всех российских БРК на основе базы данных Ruslana;
- 2) опрос БРК по выборке в соответствии с приведенной ниже методикой.

Выборка российских быстрорастущих компаний была сформирована на основе

базы данных Ruslana (Bureau van Dijk/Moody's Analytics)², содержащей финансовые показатели, данные налоговой отчетности и другую информацию. В качестве базы для формирования выборки были взяты все российские компании по всем разделам Общей отраслевой классификации видов экономической деятельности в рамках Европейского союза (КДЕС ред.2 / NACE Rev.2)³, с которой гармонизирован Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, введенный в 2014 г. (ОКВЭД 2014)⁴, действовавший на конец 2020 г. Общее количество компаний в базе — 3767898.

В ходе исследования опрошено 157 российских быстрорастущих компаний. Опрос проводился методом формализованного интервью по стандартизированной анкете. Для проведения опроса была сформирована выборка БРК, удовлетворяющая задачам исследования. Формирование выборки в силу технических особенностей работы с базой данных осуществлялось в три шага.

На первом шаге из 3767898 компаний, данные о которых содержались в базе Ruslana и которые действовали на конец 2020 г., были отобраны компании, удовлетворяющие следующим критериям: 1) регистрация — до 2018 г.; 2) численность персонала в 2017–2020 гг. — 10 и более человек; 3) выручка в 2017–2020 гг. — не менее 1 млн руб. Таких компаний оказалось 191799.

На втором шаге сформированы компании, чей совокупный среднегодовой темп роста (CAGR) был равен или превышал 20%.

² <https://www.bvdinfo.com/en-gb/our-products/data/national/ruslana>

³ NACE Rev. 2 — Statistical classification of economic activities. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-manuals-and-guidelines/-/ksra-07-015>

⁴ ОК 029-2014 (КДЕС ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 02.02.2023).

CAGR рассчитан по формуле

$$\text{CAGR} = \left(\frac{V_n}{V_0} \right)^{\frac{1}{n}} - 1,$$

где V_0 — начальный размер выручки (2017); V_n — конечный размер выручки (2020); n — количество периодов, $n=3$.

После второго шага была создана выборочная совокупность, в состав которой вошли 28 617 компаний (которые и были определены как БРК), т. е. 0,75 % от общего числа российских компаний. Последующий анализ показателей российских БРК проводился на основе данной совокупности.

Таким образом, в составе выборочной совокупности оказались компании, подпадающие под определение БРК, предложенное Всемирным банком [Grover Goswami, Medvedev, Olafsen, 2019, p. 4]. Оно совпадает с определением, приведенным Европейским статистическим ведомством, которое определяет БРК как компанию, изначально имеющую 10 или более сотрудников в штате и среднегодовой прирост выручки или занятости более 20 % в течение трехлетнего периода [Eurostat, 2007, p. 61]. Можно констатировать, что компании в составе выборочной совокупности соответствуют критериям ОЭСР для БРК.

Третьим шагом сформирована выборка, в которую вошли 157 российских быстрорастущих компаний. При этом было запланировано обеспечить близкое соответствие ее структуры структуре выборочной совокупности по трем критериям (стратам): 1) размер выручки; 2) отраслевая принадлежность; 3) регион (федеральный округ РФ).

Опрос проводился по телефону, при этом использовалось специальное программное обеспечение, которое позволило формировать выборку в соответствии с заданной структурой. Для этого в него были введены необходимые данные по 28 617 компаниям выборочной совокупно-

сти. Затем программное обеспечение было запрограммировано таким образом, чтобы осуществить автоматический контроль структуры выборки по заданным критериям. В случае достижения предельных значений долей компаний по определенным критериям оно останавливало выдачу интервьюерам контактов компаний из соответствующей страты. Однако, поскольку опрос проводился одновременно несколькими интервьюерами, происходило некоторое смещение выборки по отдельным стратам. После завершения опроса осуществлялся анализ структуры полученной выборки ($N=157$), который показал ее близкое соответствие структуре выборочной совокупности ($N=28\,617$) по заданным стратам.

Респонденты, отвечавшие на вопросы формализованного интервью, должны были соответствовать требованиям к уровню должности — не ниже заместителя руководителя или руководителя ключевого подразделения (производственного, основного управленческо-административного, научно-технического или финансово-управленческого).

Таким образом, предложенная методология соответствует методологическим подходам, предложенным ОЭСР и Всемирным банком, и позволяет сопоставить результаты нашего исследования с результатами, полученными в других работах зарубежных и российских авторов, а также раскрыть характеристики и особенности российских БРК.

Показатели и характеристики быстрорастущих компаний

Вклад БРК в экономический рост и создание рабочих мест

Компании, отобранные на первом шаге формирования выборки ($N=191\,799$), были разделены на три группы в зависимости от темпов роста или снижения их выручки (с учетом инфляции) в 2017–2020 гг.: 1) без роста выручки; 2) с ростом выручки, но ниже 20 % в год; 3) БРК.

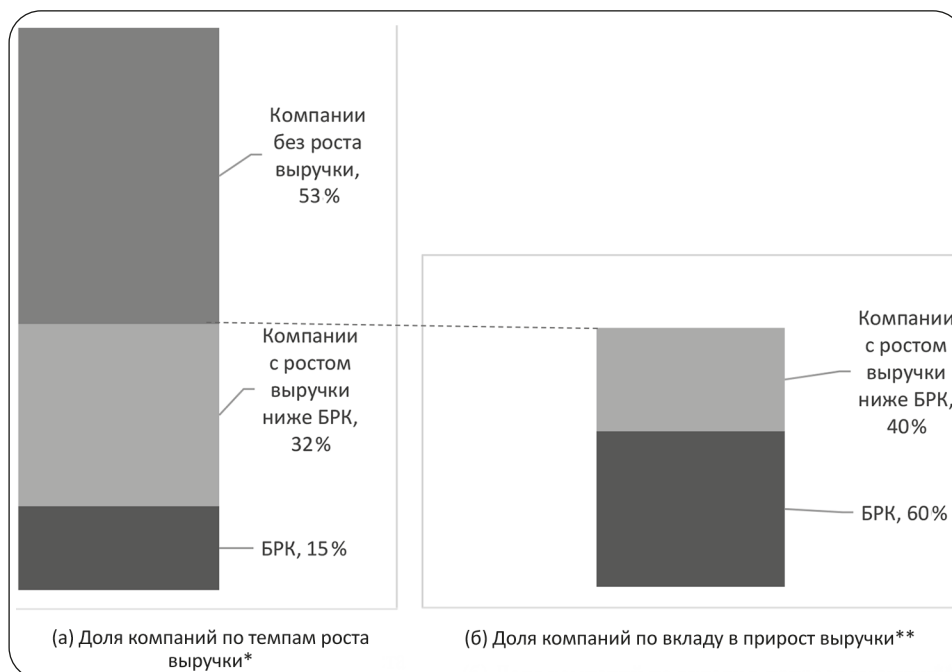

Рис. 1. Распределение российских компаний по темпам роста выручки и вкладу в прирост выручки

Примечания: численность сотрудников компаний — более 10 человек; * — по выручке компаний, отобранных на первом шаге формирования выборки, $N=191\,799$; ** — по выручке компаний, отобранных на первом шаге формирования выборки, за вычетом компаний, не имевших роста выручки, $N=111\,163$.

Только 47% компаний продемонстрировали рост выручки в период с 2017 по 2020 г., в том числе 15% из них являются БРК (рис. 1а). Затем было установлено, что прирост выручки у компаний с растущей выручкой достиг 27,9 трлн руб. При этом у БРК выручка выросла на 16,8 трлн руб. Это составляет 60% от всего прироста выручки (рис. 1б). Таким образом, составляя менее 1/6 (15%) от всех компаний (с числом занятых более 10 человек), БРК ответственны за формирование 60% прироста выручки. Экстраполируя данное наблюдение на массив всех российских компаний, можно утверждать, что в России именно БРК вносят основной вклад в экономический рост, что соответствует аналогичным выводам зарубежных исследователей.

Оценить экономическое развитие исследованных БРК позволяет рассмотрение

изменений в совокупной выручке и занятости компаний (по секторам⁵), произошедших за период быстрого роста в 2017–2020 гг. Совокупная выручка БРК выросла с 9,4 трлн руб. в 2017 г. до 26,1 трлн руб. в 2020 г., прирастая на 41% ежегодно. Совокупная занятость выросла с 1,5 до 2,5 млн человек со среднегодовым приростом 18%. При этом наблюдается замедление темпов роста выручки: если в период с 2017 по 2018 г. она увеличилась на 65,8%, то уже в 2019–2020 гг. — всего

⁵ Разбиение по технологической интенсивности секторов производилось с использованием двух- или трехзначной Статистической классификации видов экономической деятельности Европейского сообщества второй редакции (NACE Rev. 2) компаний, которые были взяты из базы Ruslana (отнесение каждой отдельной российской компании к кодам по классификации Евростата присутствует в функционале данной базы).

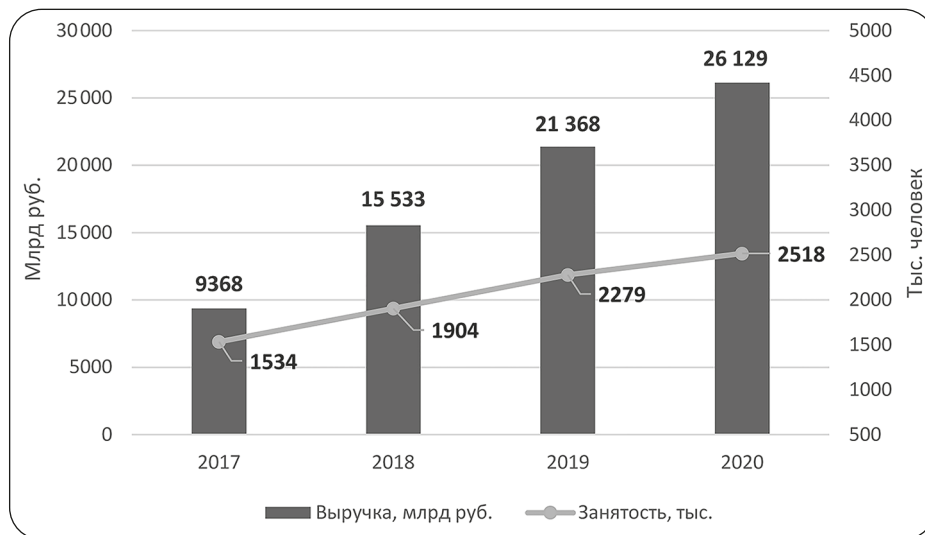

Рис. 2. Рост выручки и числа занятых в российских БРК (2017–2020)

на 22,2%. Аналогичную ситуацию можно увидеть и в приросте занятости — 24,1 и 10,5% соответственно.

Данные о росте совокупной выручки и числа занятых в БРК представлены на рис. 2. Можно отметить, что темпы роста выручки выше, чем темпы роста занятости, что свидетельствует о росте производительности труда в БРК. Выручка (выработка) на одного работающего в БРК составила в 2020 г. 10,4 млн руб. Показатель выработки на одного занятого у БРК вырос с 2017 по 2020 г. в два раза (192%), в среднем — на 24% ежегодно.

В разрезе отдельных секторов рост выручки БРК в абсолютных значениях представлен на рис. 3. Данные о доле отдельных секторов в совокупной выручке в 2020 г. приведены на рис. 4.

Лидирующие позиции по совокупной выручке занимают торговля, строительство и наукоемкие рыночные услуги⁶, что свя-

зано с большим числом компаний в этих секторах. Значительный объем выручки компаний сектора торговли (торговый оборот) отражает продажи продукции других секторов. Несколько снизились доли секторов сельского хозяйства, средне-высокотехнологичных и высокотехнологичных производств, что свидетельствует об отставании темпа их роста от других БРК. В то же время выросла доля добычи полезных ископаемых, водоснабжения, строительства, наукоемких услуг — их темпы роста были выше средних по БРК.

Данные о занятости в различных технологических секторах БРК приведены в абсолютном выражении (рис. 5) и в долях к общей занятости у БРК (рис. 6). Можно видеть, что на первых позициях

в наибольшей степени представлены следующие подотрасли: «Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа» (30% от числа компаний сектора); «Деятельность по обеспечению безопасности и проведению расследований» (26%); «Деятельность в области права и бухгалтерского учета» (6,3%); «Деятельность по обслуживанию зданий и территорий» (6,3%); «Деятельность головных офисов; консультирование по вопросам управления» (6%).

⁶ В сфере услуг были выделены три сектора (в скобках указаны соответствующие коды ОК-ВЭД-2): «Высокотехнологичные наукоемкие услуги» (61–63, 72, 74); «Наукоемкие рыночные услуги» (50, 51, 58–60, 64–66, 69–71, 73, 75, 78–82, 94–96); «Иные наукоемкие услуги» (84–88, 90–93). В секторе «Наукоемкие рыночные услуги»

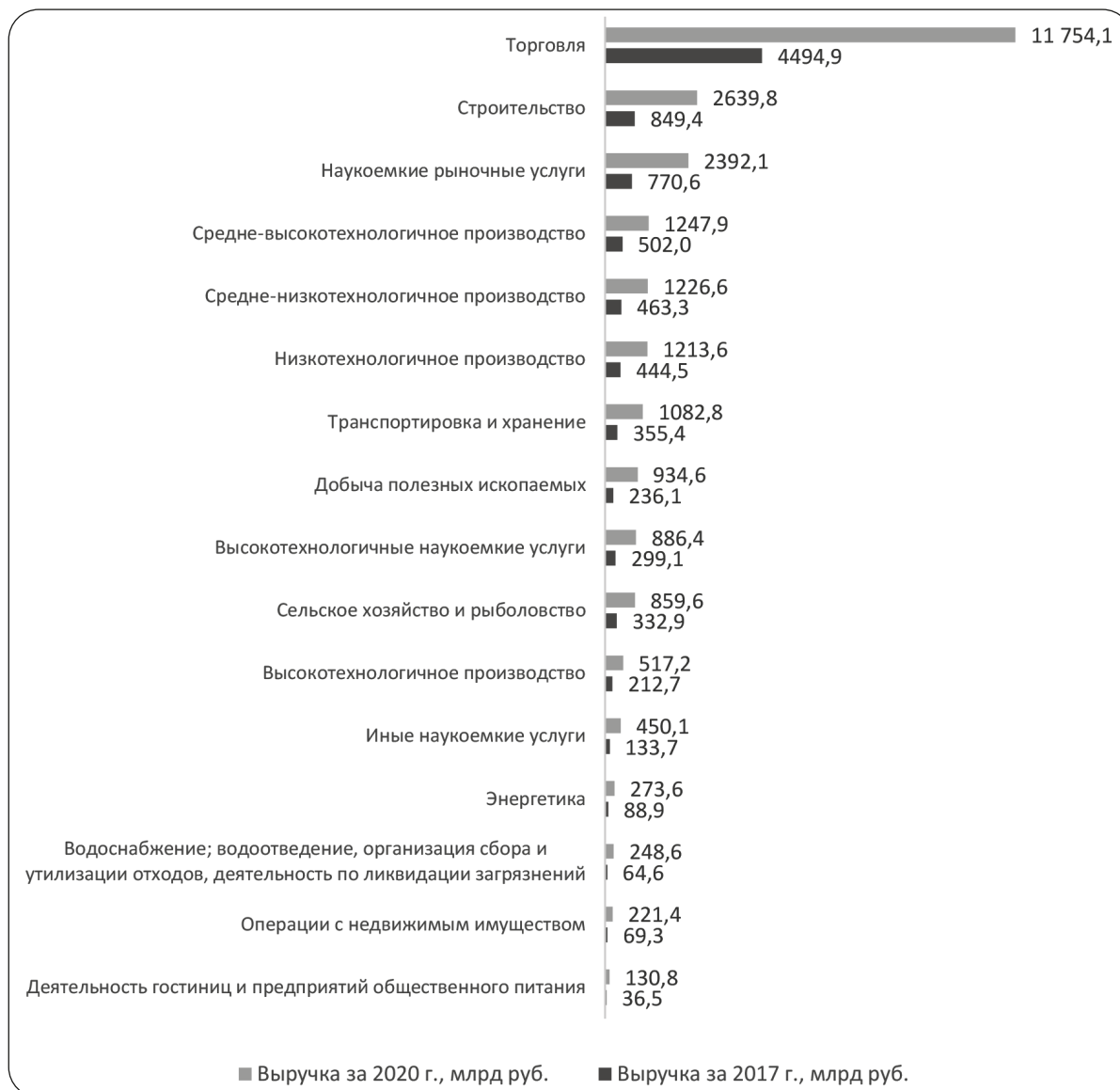

Рис. 3. Объем выручки БРК по технологическим секторам в 2017 и 2020 гг., млрд руб.

по показателю числа занятых так же, как и по выручке, остаются сектора торговли, строительства и наукоемких услуг. Однако отрыв их от других секторов уже не столь заметен.

Наиболее высокими темпами наращивали свою долю, а следовательно, и число занятых такие сектора, как гостиницы и предприятия общественного питания,

наукоемкие услуги, транспортировка и хранение. Относительно ниже был рост занятости в секторах «Иные наукоемкие услуги», «Высокотехнологичное производство», «Энергетика».

Необходимо рассмотреть средние показатели отдельной БРК в разрезе секторов. Средняя выручка на одну компанию БРК в 2017 г. составила 336 млн руб., а в 2020 г.

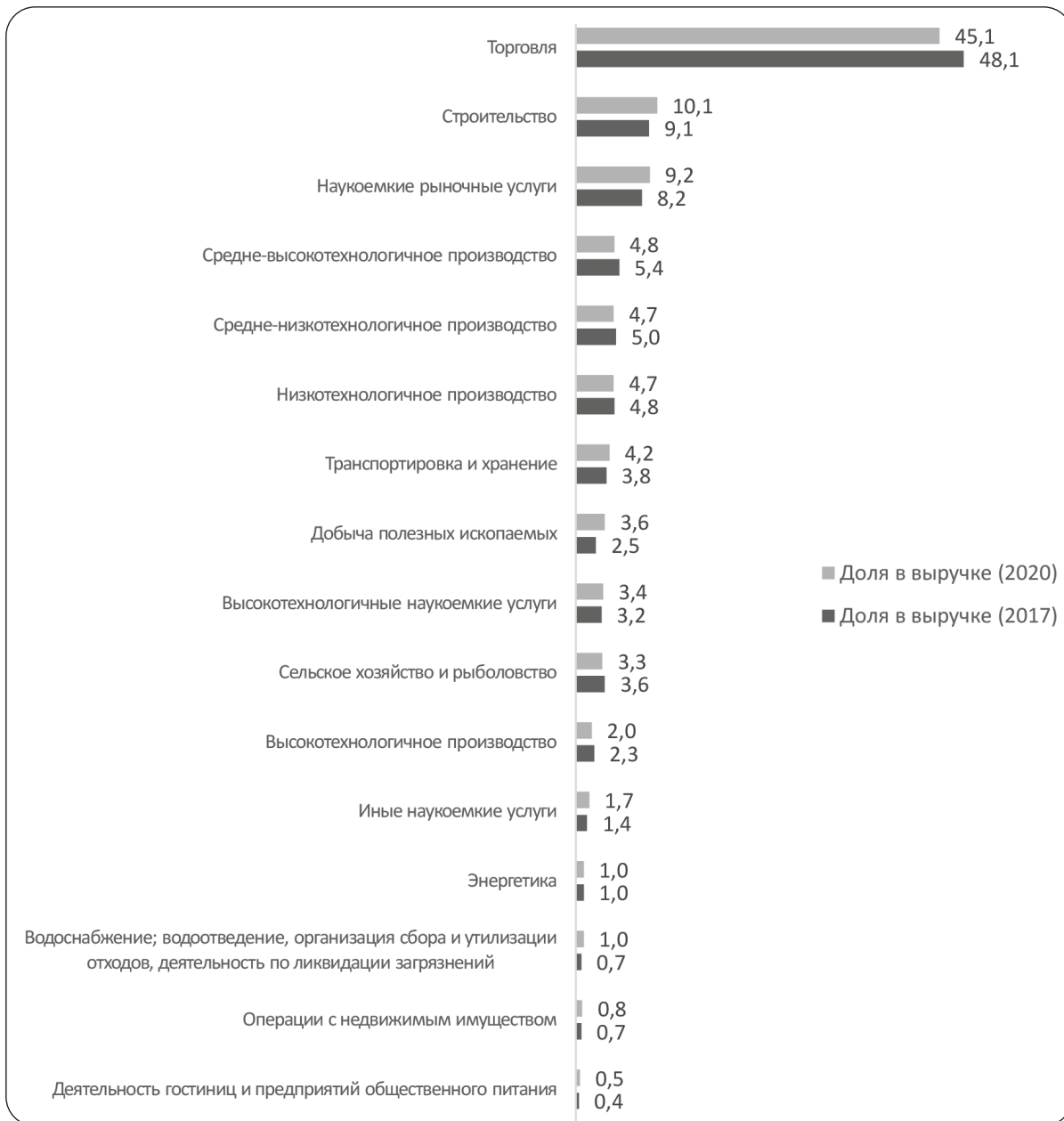

Рис. 4. Доли отдельных секторов в совокупной выручке БРК в 2017 и 2020 гг., %

этот показатель вырос почти в три раза, достигнув отметки в 914 млн руб.

Лидирующие позиции по размеру выручки на одну компанию занимают добыча полезных ископаемых, торговля, высокотехнологичное производство (рис. 7). Если не учитывать торговлю, можно кон-

статировать, что в добыче и высокотехнологичных производствах среди БРК представлены в основном крупные компании. Несмотря на то что в выборке БРК количество компаний из этих секторов составляет всего 1%, они вносят ощутимый вклад в абсолютный прирост выручки БРК. До-

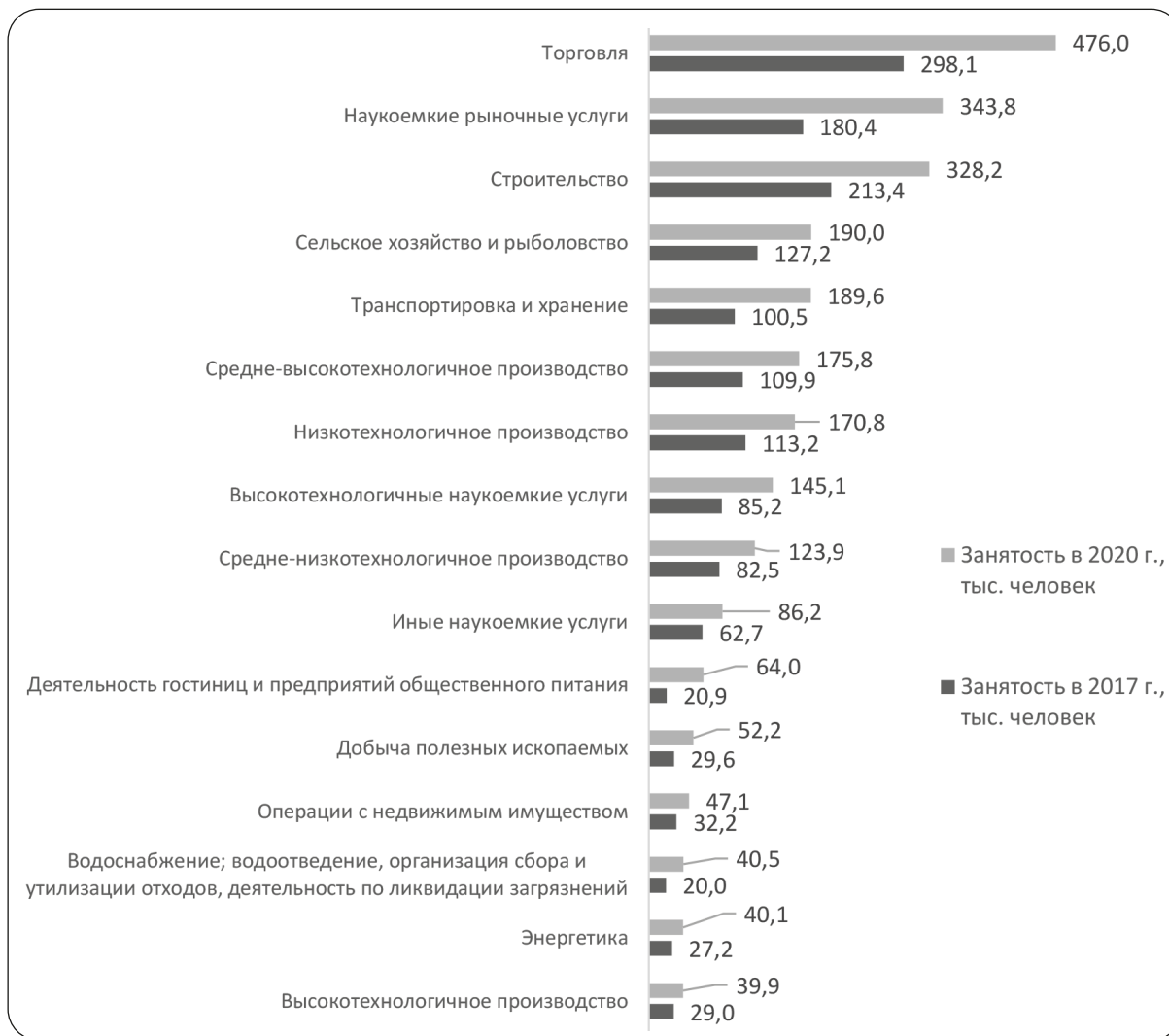

Рис. 5. Совокупная численность сотрудников БРК в 2017 и 2020 гг., тыс. человек

полнительно можно отметить компании сектора «Энергетика»: по совокупной выручке они находятся на 13-м месте, а уже по средней выручке — на 4-м. Это связано с тем, что у этих компаний также достаточно большая средняя выручка.

Среднее число работающих на одну компанию БРК в 2017 г. составило 52 человека, а в 2020 г. выросло до 87 человек. Лидирующие позиции по занятости в одной компании занимают добыча полезных ископаемых, высокотехнологичное произ-

водство, энергетика (рис. 8). Это связано с тем, что в данных секторах 16% компаний являются крупным бизнесом, в то время как в общей выборке БРК всего 7% компаний крупного бизнеса.

Устойчивость роста БРК

В настоящем исследовании изучены повторные эпизоды роста анализируемых БРК (их быстрый рост пришелся на 2017–2020 гг.), имевшие место в прошлом. Выделено пять трехлетних периодов: 2012–

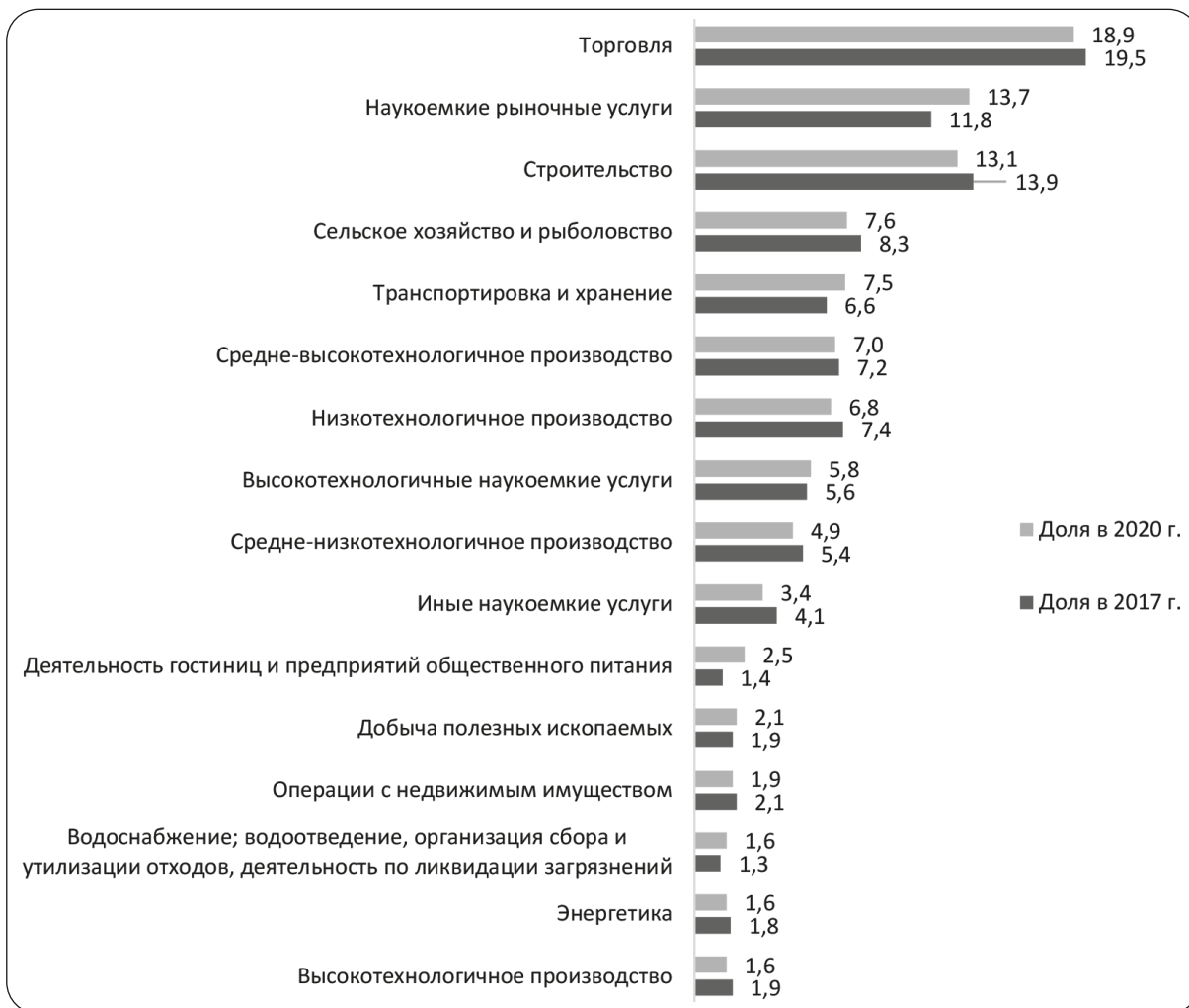

Рис. 6. Доли отдельных секторов в совокупной занятости БРК в 2017 и 2020 гг., %

2015, 2013–2016, 2014–2017, 2015–2018, 2016–2019 гг. Быстрый рост в их рамках также определялся по методологии ОЭСР, т.е. 20% ежегодно на протяжении всех трех лет. Компании были поделены на группы в соответствии со следующей методологией:

0 периодов — не было повторных эпизодов быстрого роста (кроме быстрого роста в базовом периоде 2017–2020 гг.);

1 период — 1 повторный эпизод быстрого роста в течение трех лет в 2012–2019 гг. (кроме быстрого роста в базовом периоде 2017–2020 гг.);

2 периода — 2 повторных эпизода (кроме быстрого роста в базовом периоде 2017–2020 гг.);

3 периода — 3 повторных эпизода (кроме быстрого роста в базовом периоде 2017–2020 гг.);

4 периода — 4 повторных эпизода (кроме быстрого роста в базовом периоде 2017–2020 гг.);

5 периодов — было 5 повторных эпизодов быстрого роста в течение трех лет в 2012–2019 гг. (кроме быстрого роста в базовом периоде 2017–2020 гг.).

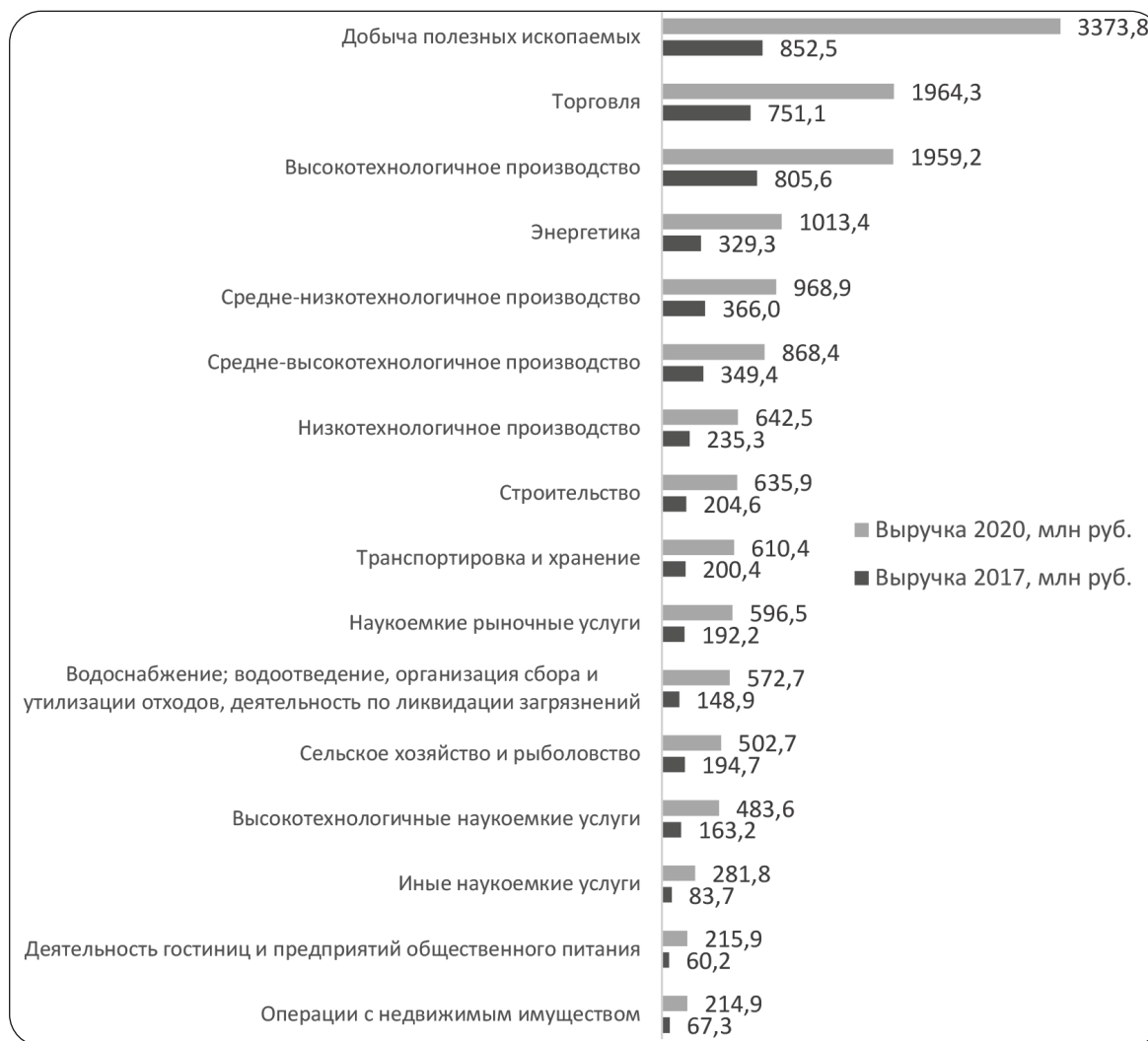

Рис. 7. Объем выручки в одной компании среди исследованных БРК в 2017 и 2020 гг., млн руб.

Примечание: данные приведены на начало и конец периода быстрого роста в ценах 2017 г.

Распределение изученных БРК в соответствии с данным подходом показано на графиках (рис. 9, 10). Видно, что только 23% всех БРК не имели ни одного дополнительного эпизода быстрого роста, кроме базового. При этом больше всего компаний, не располагавших опытом предыдущего быстрого роста, представлено в следующих секторах: высокотехнологичное и средне-высокотехнологичное произ-

водство (32 и 26%), строительство (25%). Среди секторов с минимальным числом компаний, не переживавших в прошлом быстрого роста, необходимо отметить добычу полезных ископаемых (17%), высокотехнологичные научные услуги (20%) и сельское хозяйство (21%). Можно утверждать, что БРК из этих секторов российской экономики демонстрируют наиболее устойчивый рост.

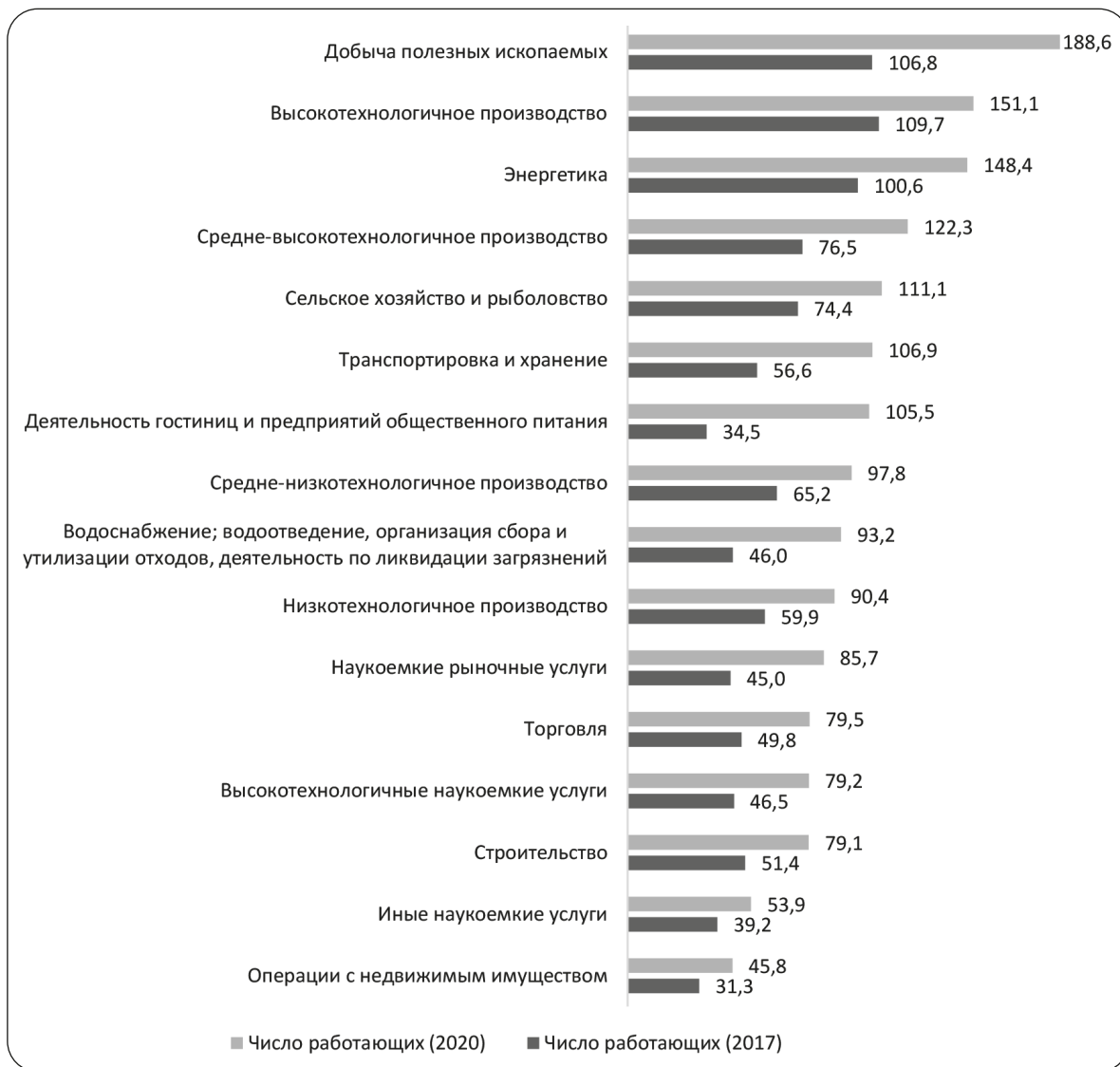

Рис. 8. Среднесписочная численность сотрудников в одной компании среди исследованных БРК в 2017 и 2020 гг.

Определенный интерес вызывают компании с максимальным числом эпизодов предыдущего быстрого роста (4 и 5 периодов). Иными словами, это те немногочисленные компании, которые быстро росли за весь период наблюдения (с 2012 по 2020 г.). Среди БРК выявлена 2481 «суперударопрочная» компания: 745 компаний росли в течение всего периода и 1736 имели 4 периода роста. Представ-

ляется, что такие компании должны стать предметом тщательного изучения для анализа их опыта и практик управления.

Основные характеристики БРК: размер бизнеса, темпы роста, возраст

В российских БРК доминирует малый и микробизнес (83% всех компаний) (рис. 11). При этом заметна крайне небольшая доля средних компаний (9%), что сопоставимо с долей крупного бизнеса

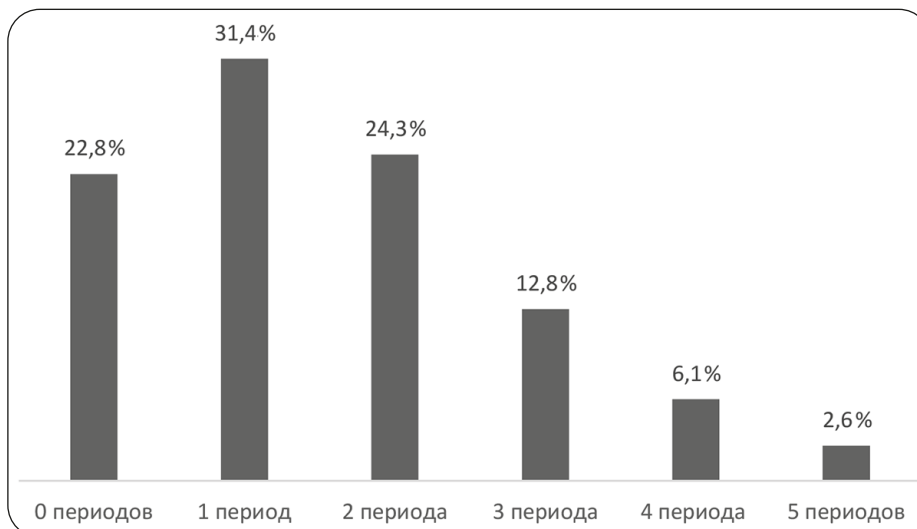

Рис. 9. Доли БРК, имевших от 0 до 5 эпизодов быстрого роста, %

Примечание: периоды быстрого роста фиксировались в рамках пяти трехлетних периодов: 2012–2015, 2013–2016, 2014–2017, 2015–2018, 2016–2019 гг. Компании, отнесенные к группе «0 периодов», имели эпизод роста только в базовом периоде 2017–2020 гг.

Рис. 10. Доля БРК с отсутствием повторного быстрого роста в 2017–2020 гг., %

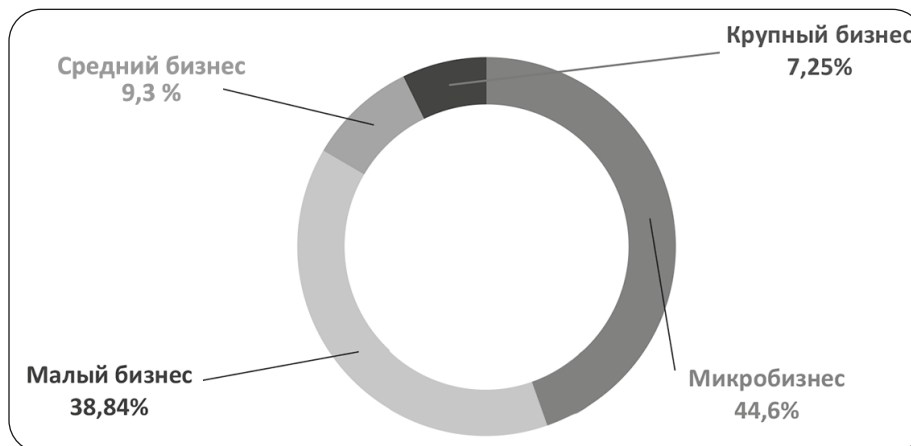

Рис. 11. Распределение БРК по размеру бизнеса в 2020 г., %

(7%). Это, во-первых, свидетельствует о крайне узких границах, которыми российский законодатель ограничил сектор среднего бизнеса (годовая выручка — 800–2000 млн руб.), что еще раз подтверждает актуальность выдвигаемого некоторыми экспертами (см., напр.: [Ермилова, 2020; Марьина, 2021]) предложения по подъему верхней планки по выручке для средних компаний до 4–5 млрд руб. Во-вторых, это соответствует докладу Всемирного банка, в котором была зафиксирована отрицательная связь между размером фирмы и ее ростом [Grover Goswami, Medvedev, Olafsen, 2019, p. 58].

Среди российских БРК 40% компаний выросли на 20–30%. Важно отметить, что в совокупности доля компаний, которые росли с впечатляющим темпом выше 50% ежегодно, составляет более четверти (27%) от всех БРК (рис. 12).

Если сравнить темпы роста микробизнеса и крупного бизнеса (рис. 13а, б), можно заметить, что среди крупных гораздо выше доля компаний с темпом роста выше 50% — 34%, в то время как в группе микробизнеса таких компаний всего 21%. Этот феномен можно связать с упомянутым фактором возможности лучшего доступа крупных компаний, во-первых, к финансовым ресурсам, позволяющим реализовы-

вать масштабные инвестиционные проекты, которые обеспечивают интенсивный рост, а во-вторых, к инфраструктуре.

Самая большая доля (45%) среди БРК принадлежит относительно молодым компаниям (возраст — до 10 лет), однако совсем молодых (моложе 6 лет) среди них всего 7% (рис. 14). Это подтверждают данные доклада Всемирного банка: «Фирмы с большей вероятностью переживают эпизод высокого роста в начале своего жизненного цикла» [Grover Goswami, Medvedev, Olafsen, 2019, p. 33].

Инновационные и неинновационные БРК

В публикациях исследователей БРК имеются различные оценки значимости инновационной активности для быстрого роста компаний. Прежде всего авторы расходятся в понимании того, является ли инновационность залогом устойчивого быстрого роста. Характерно замечание о том, что «эмпирические данные по-прежнему далеки от убедительных» относительно наличия позитивной взаимосвязи между инновациями и ростом [Grillitsch, Schubert, Srholec, 2019, p. 234].

В этой связи в ходе исследования была предпринята попытка выявить среди рос-

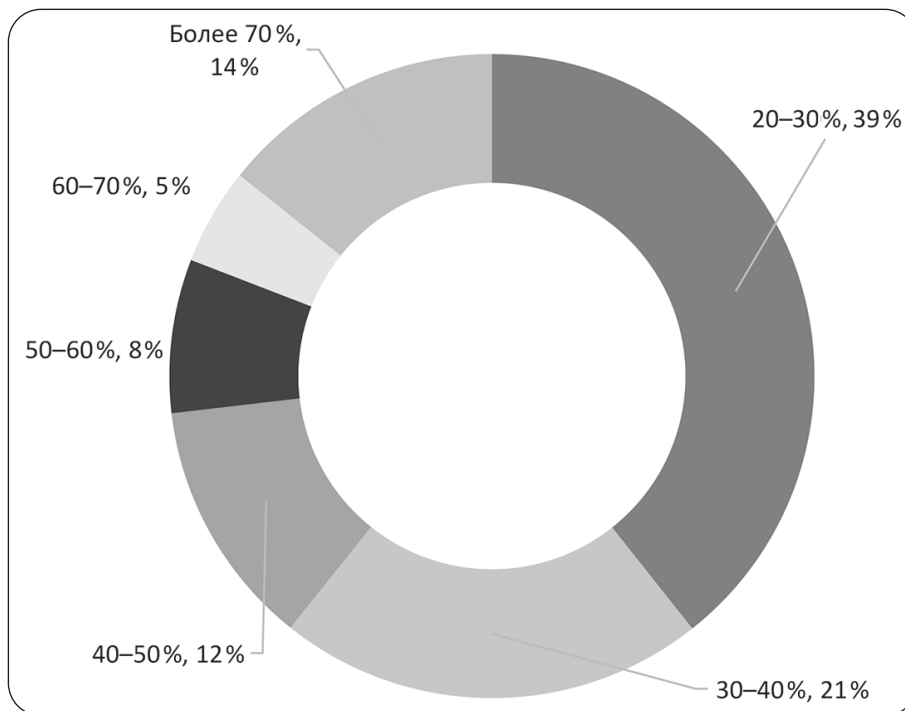

Рис. 12. Распределение БРК по темпам роста на 2020 г., %

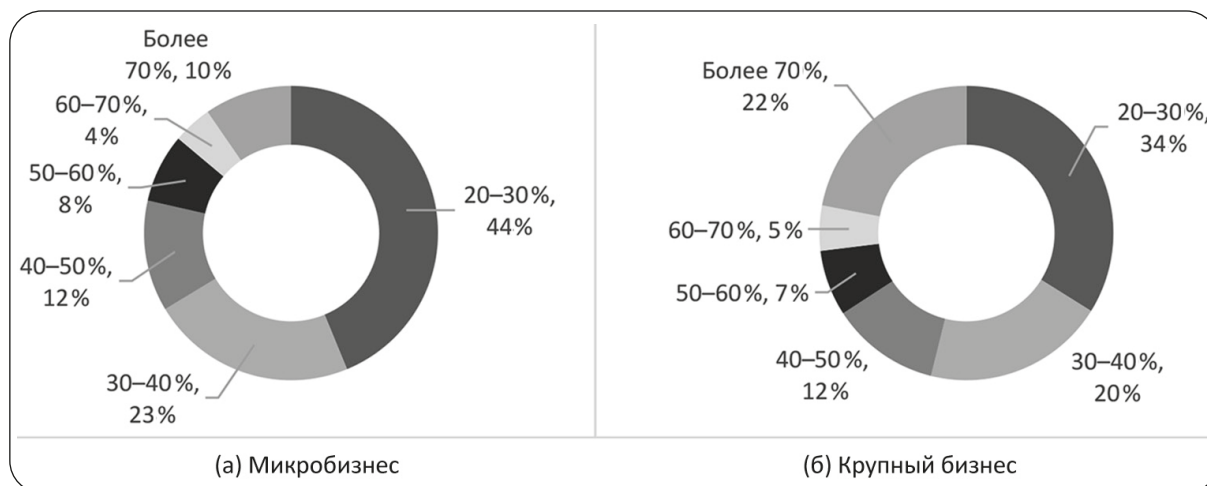

Рис. 13. Среднегодовые темпы роста выручки российских БРК по группам микробизнеса и крупного бизнеса в 2017–2020 гг.

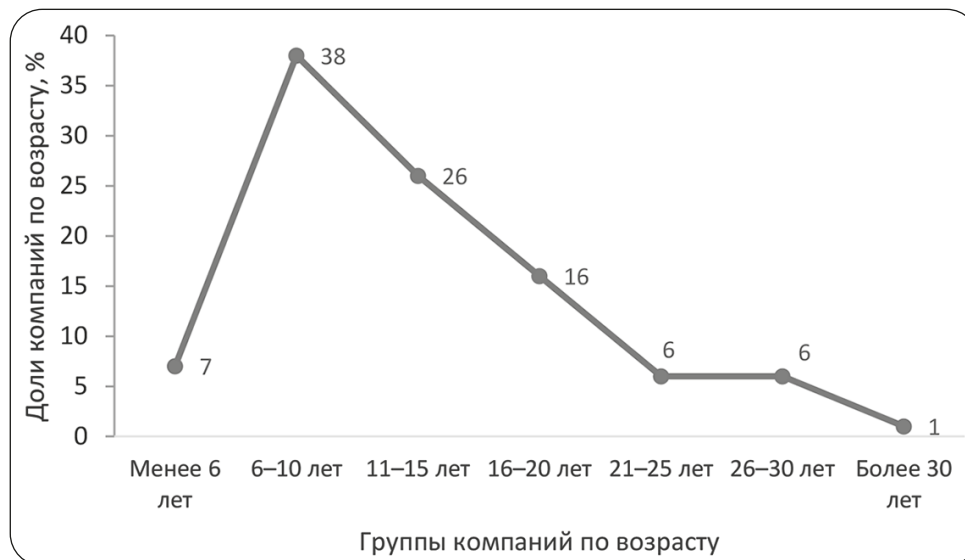

Рис. 14. Распределение компаний по возрасту на 2020 г., %

сийских БРК инновационно-активные компании и показать их основные характеристики. Данная задача оказалась достаточно сложной, так как в открытых источниках отсутствует полный набор индикаторов, позволяющих определить степень инновационности в деятельности отдельной компании. Кроме того, многие специалисты вполне обоснованно считают, что без экспертной оценки затруднительно оценить инновационную активность компании [Петрова, 2022].

В условиях ограниченности информации в качестве критерия для отнесения компании к числу инновационно-активных использовались два показателя:

- 1) наличие у компании прав на патенты (учитывались принадлежащие компании патенты на изобретения и полезные модели, а также патенты, переданные компаниям патентообладателями на основе лицензий) и программы для ЭВМ;
- 2) наличие в годовом балансе компании остатков по строке 1120 «Результаты исследований и разработок».

Указанные показатели компании принимались во внимание, если они отража-

лись в период с 2017 по 2020 г. Данные сведения были получены из базы данных «СПАРК-Интерфакс»⁷, сведения о патентах дополнительно проверялись по информации из открытых реестров Федерального института промышленной собственности⁸.

В результате проведенного анализа среди БРК выявлено 1413 компаний, которые были идентифицированы как инновационно-активные. Они составляют 5% от всего массива БРК. Из них 968 компаний отнесены к инновационно-активным по критерию наличия патентов, а 445 — по наличию затрат на исследования и разработки (в случае наличия патента информация о затратах не проверялась). По величине выручки инновационно-активные БРК составляют 16% от всех БРК. Это свидетельствует о том, что среди инновационно-активных БРК представлены компании с относительно большей величиной выручки, чем по БРК в целом.

⁷ Информационный ресурс СПАРК. URL: <https://spark-interfax.ru/> (дата обращения: 21.09.2022).

⁸ Открытые реестры Федерального института промышленной собственности. URL: <https://www1.fips.ru/register-web/> (дата обращения: 21.09.2022).

По оценкам ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, из 3,2 млн российских юридических лиц по сходным критериям к инновационно-активным можно отнести не более 1,6% компаний, отразивших в бухгалтерской отчетности данные о стоимости нематериальных активов (НМА), и 0,1% — имеющих данные о результатах НИОКР [Гохберг и др., 2022]. Значит, концентрация инновационно-активных компаний среди БРК как минимум в три раза выше, чем по экономике России в целом. (Необходимо отметить, что в состав НМА входят не только патенты, но и ряд других объектов, таких как промышленные образцы, товарные знаки, авторские права и т.п., не связанные напрямую с инновационной активностью. Кроме того, детальный анализ показывает, что у многих компаний принадлежащие им патенты по неясным причинам не отражаются в балансе как НМА. Это свидетельствует о том, что показатель наличия НМА следует применять для идентификации инновационности компаний с большой осторожностью.)

Общие показатели по темпам роста инновационно-активных БРК практически не отличаются от всей выборки БРК. Их совокупная выручка выросла с 1,5 трлн руб. в 2017 г. до 4,3 трлн руб. в 2020 г., прирастая на 41% ежегодно (аналогично всем БРК). Совокупная занятость увеличилась с 210 тыс. до 334 тыс. человек со среднегодовым приростом 17% (все БРК — 18%). В то же время средний размер выручки на одну инновационно-активную компанию более чем в три раза превосходит аналогичный показатель по БРК в целом (3,03 млрд руб. против 913 млн руб.) и по среднему числу занятых — в 2,7 раза (237 человек против 88). Выработка на 1 человека — 12,8 млн руб. (все БРК — 10,4 млн руб.). Можно утверждать, что инновационно-активные БРК по темпам роста мало отличаются от картины по всем БРК, при этом они представлены существенно более крупными компаниями и характеризуются

более высоким уровнем производительности труда.

Это наблюдение подтверждает тезис авторов доклада Всемирного банка о том, что в качестве оснований для быстрого роста, наряду с инновациями, могут выступать самые разные факторы: производительность, географическое положение, доступ к финансированию, вовлеченность в экспорт и др. [Grover Goswami, Medvedev, Olafsen, 2019, p.67–68]. При этом набор таких факторов может быть специфичен для разных стран.

В частности, в отношении российских БРК любопытную гипотезу выдвигают А.Ю.Жиганов и А.Ю.Юданов [Жиганов, Юданов, 2019] — она связана с аффилированностью отечественных БРК. Авторы утверждают, что около 80% российских БРК в той или иной форме аффилированы, т.е. находятся в правовой и (или) экономической взаимозависимости с бизнес-группами. Также об аффилированности российских БРК речь идет в статье А.Ю.Юданова и А.А.Яковлева [Юданов, Яковлев, 2018]. Используемая в настоящей работе методология не предусматривает проверки данного утверждения, однако эмпирические наблюдения позволяют утверждать, что принадлежность компании к более широкой бизнес-группе действительно может положительно влиять на ее быстрый рост.

Распределение инновационно-активных БРК по технологическим секторам показано на рис. 15, доли таких компаний в каждом технологическом секторе — на рис. 16. Как видно, две трети инновационно-активных компаний являются техногазелями, т.е. сосредоточены в трех технологических секторах: секторе высокотехнологичных наукоемких услуг (41%), средне-высокотехнологичных (15%) и высокотехнологичных производств (9%). Что касается удельного веса инновационно-активных компаний среди всех БРК технологического сектора, то здесь выделяются те же три сектора, при этом наибольшая доля инновационно-активных компаний представлена среди

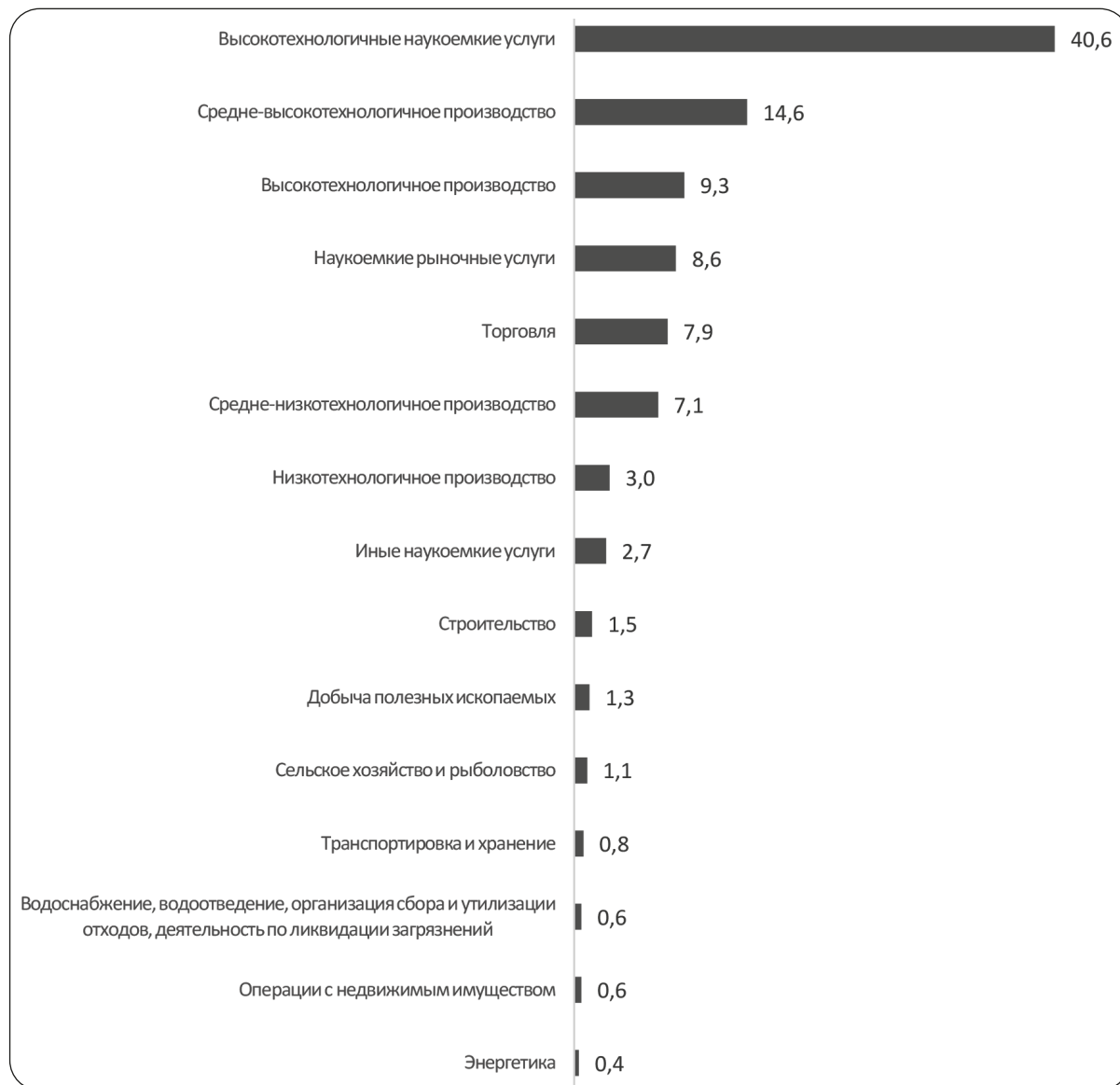

Рис. 15. Распределение инновационно-активных БРК по технологическим секторам на 2020 г., %

высокотехнологичных производств (50%), высокотехнологичных наукоемких услуг (31%) и средне-высокотехнологичных производств (14%). Можно утверждать, что в сегменте БРК инновационная активность тесно связана с высокотехнологичными секторами.

Распределение инновационно-активных компаний по размерам бизнеса по-

казывает их существенное отличие от БРК в целом (рис. 17). В частности, среди них значительно выше доля компаний, относящихся к среднему и крупному бизнесу, — 30% по сравнению с 17% среди всех БРК (соответственно, доля средних компаний составляет 13 против 9% и крупных — 17 против 7%). При этом основной рост доли крупного и сред-

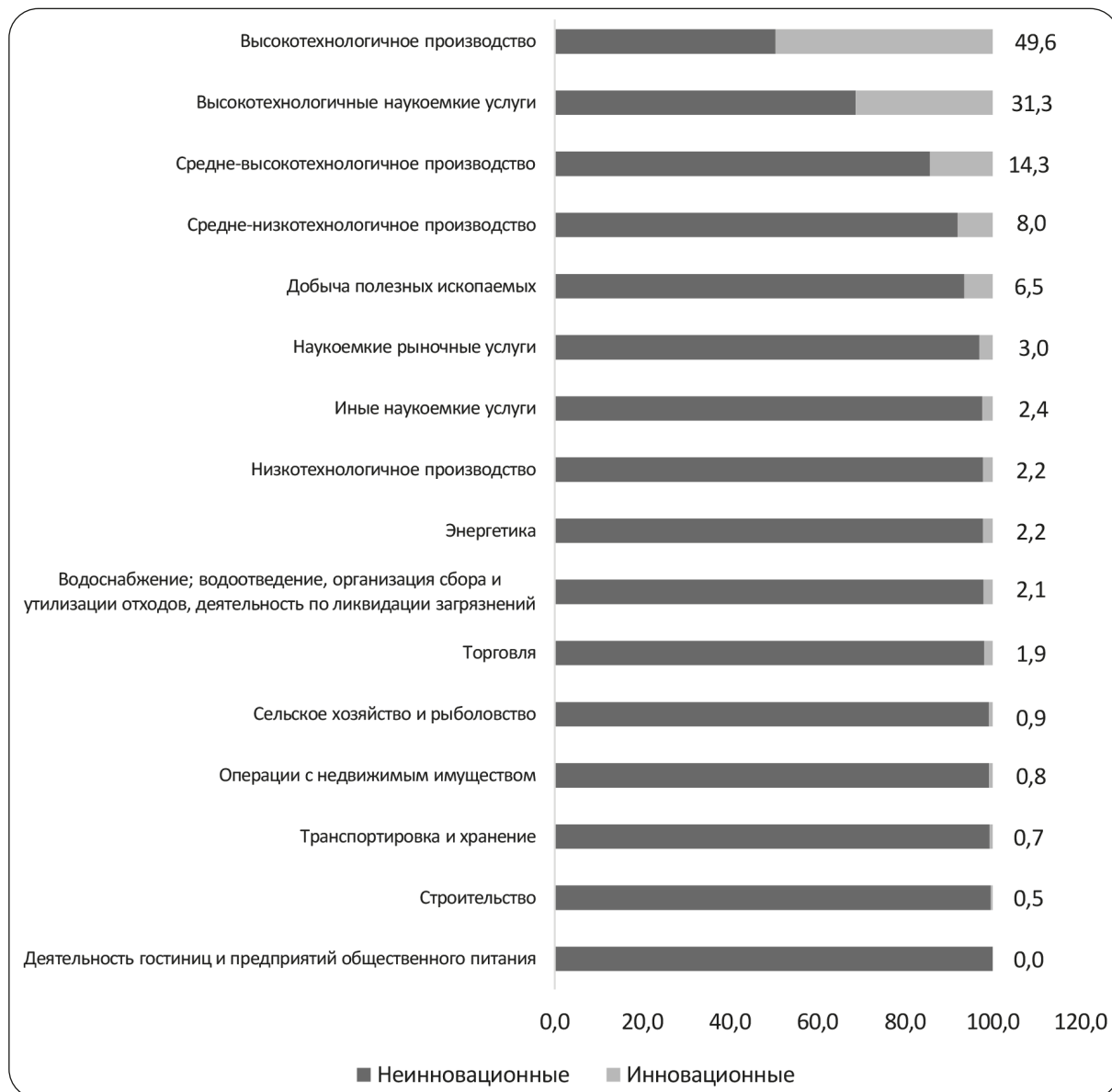

Рис. 16. Доля инновационных и неинновационных компаний среди БРК технологического сектора на 2020 г., %

Примечание: указана доля инновационно-активных компаний.

него бизнеса произошел за счет резкого снижения доли микробизнеса (с 44 до 26%). Это свидетельствует, с одной стороны, о достаточно высокой инновационной активности крупных компаний в сегменте БРК, а с другой — не столько о низкой инновационной активности

микробизнеса, сколько о его недостаточном внимании к постановке на учет объектов интеллектуальной собственности и отражении затрат на исследования и разработки в учете.

В исследовании произведен расчет повторяемости эпизодов быстрого роста для

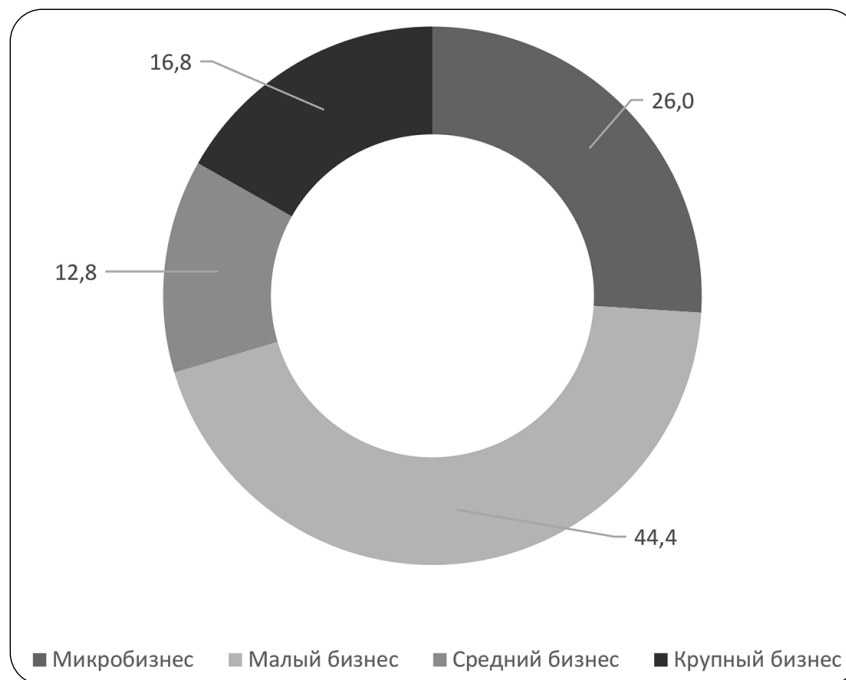

Рис. 17. Распределение инновационно-активных БРК по размерам бизнеса (по размеру выручки) на 2020 г., %

инновационно-активных и неинновационных БРК. Результаты расчетов отражены на рис. 18. На графике видно, что у инновационно-активных БРК меньше, чем у остальных, доля компаний с отсутствием повторных эпизодов быстрого роста (21 и 23% соответственно), а эпизоды быстрого роста с частотой выше двух периодов повторяются гораздо чаще, чем у остальных БРК. Особенно велик (в 2,1 раза) разрыв по доле компаний, имевших максимальное число эпизодов быстрого роста: 5,4% у инновационно-активных и 2,5% — у остальных.

Анализ показателей российских компаний с использованием данных налоговой отчетности показал, что, несмотря на тяжелые условия кризисного 2020 г., являвшегося отчетным в рамках проведенного исследования, в отечественной экономике сохранился значительный слой быстрорастущих компаний (газелей). На данных российских компаний подтвердились выводы зарубежных исследователей, что

именно газели вносят основной вклад в рост национальной экономики в целом. Показано, что для 77% российских БРК случаи быстрого роста являются повторяющимися в 2012–2020 гг., что подвергает сомнению распространенный тезис о неустойчивости в отношении отдельной компании феномена быстрого роста. Показано, что среди газелей инновационная активность тесно связана с высокотехнологичными секторами, у инновационно-активных компаний повторяемость эпизодов быстрого роста выше, чем у неинновационных.

Анализ результатов опроса компаний

Для исследования реакции БРК на пандемию и выбора ими стратегий в условиях нового кризиса, последовавшего после объявления о начале специальной военной операции на Украине, был проведен опрос с помощью метода структурирован-

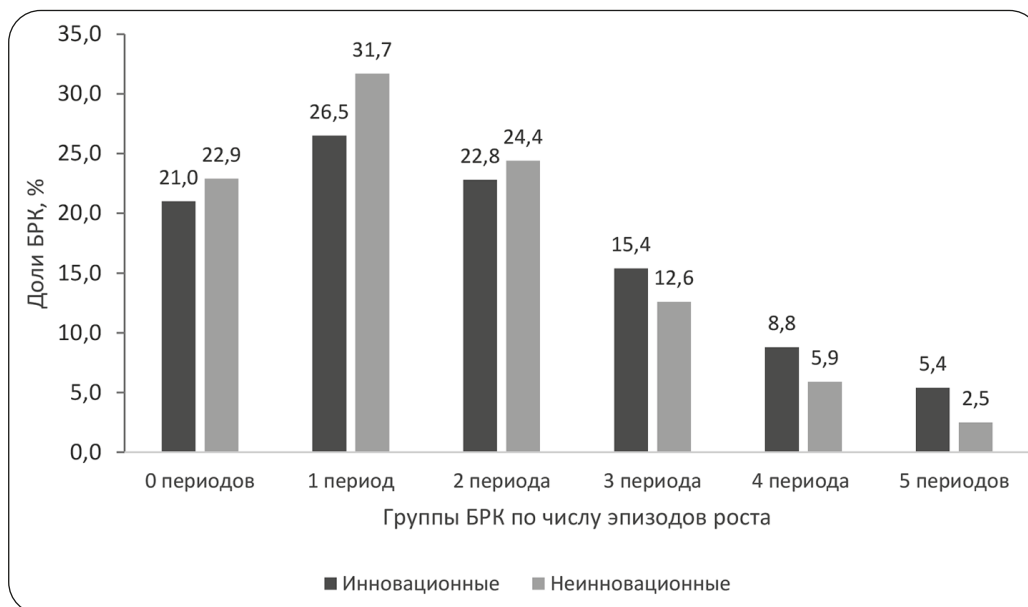

Рис. 18. Повторные периоды быстрого роста у инновационно-активных и неинновационных БРК на 2020 г., %

ного интервью по стандартизированной анкете. Опрос проводился в марте — апреле 2022 г.

Кризис, связанный с пандемией коронавируса, по оценкам компаний, не оказал тотального негативного влияния на их деятельность (рис. 19). 42% компаний считают, что пандемия вообще не оказала ни позитивного, ни негативного влияния на их рост. И только 25,5% компаний оценивают влияние пандемии как негативное, причем подавляющее их большинство достаточно сдержанно в оценках, полагая, что негативное влияние минимально или не очень велико (оценки «-1» и «-2»). Полной катастрофой пандемия стала только для 5 компаний (3,2%) из 157 опрошенных.

Суммируя ответы, констатируем: в качестве позитивного фактора восприняли пандемию 32,5% компаний, нейтрально — 42%, что в сумме составляет 74,5% компаний-респондентов. Иными словами, даже отдельно взятая доля позитивных оценок последствий коронакризиса для бизнеса опрошенных быстрорастущих ком-

паний превышает негативные, составляющие в сумме 25,5%, среди которых большинство компаний оценило негативный эффект как малозначительный (интервал от «-1» до «-2»).

В то же время даже для тех компаний, которые продолжали расти или ускоряли рост в пандемию, связанные с ней события не могли пройти незамеченными. Поэтому компаниям-респондентам было предложено ответить на открытый вопрос и своими словами описать до трех негативных и позитивных эффектов коронакризиса в формулировке «Как именно пандемия затронула различные аспекты бизнеса? Опишите своими словами три самых негативных и три самых позитивных фактора (если такие имеются)». От 157 компаний было получено в сумме 197 ответов по трем позициям негативных эффектов (рис. 20) и 99 ответов по трем позициям позитивных (рис. 21). Для целей анализа в дальнейшем ответы были агрегированы по нескольким обобщающим позициям.

Среди негативных эффектов (рис. 20) компании чаще всего сталкивались со

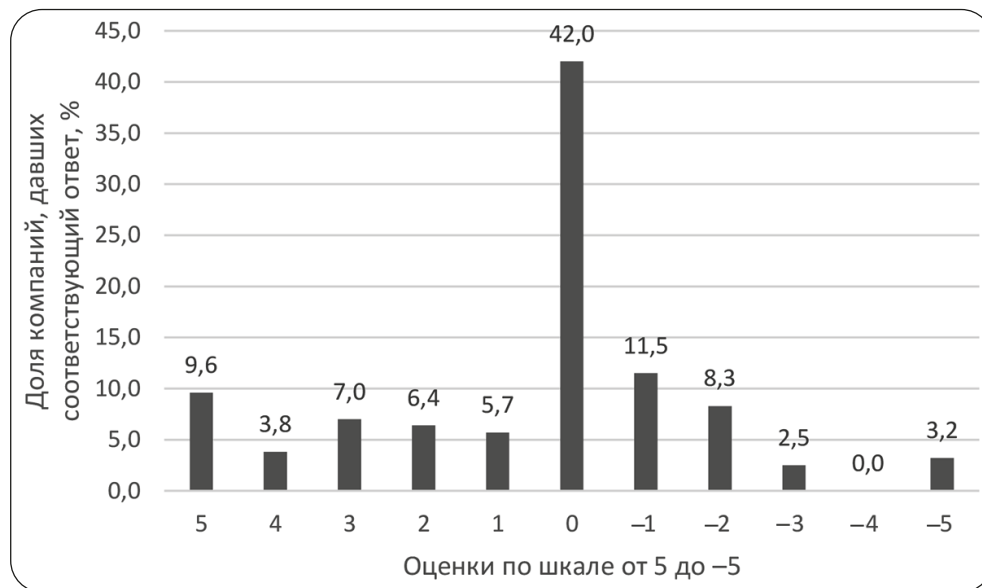

Рис. 19. Оценка компаниями последствий коронакризиса для своего роста, давшими соответствующий ответ, %

Примечание: ответ на вопрос «В 2021 г. всем пришлось преодолевать последствия пандемии коронавируса. Оцените, насколько эта пандемия повлияла на рост Вашей компании (проставьте отметку на шкале от «-5» до «+5», где «-5» — пандемия стала полной катастрофой для бизнеса, «0» — ничего не изменилось, «+5» — пандемия создала идеальные условия для развития бизнеса)», $N = 157$.

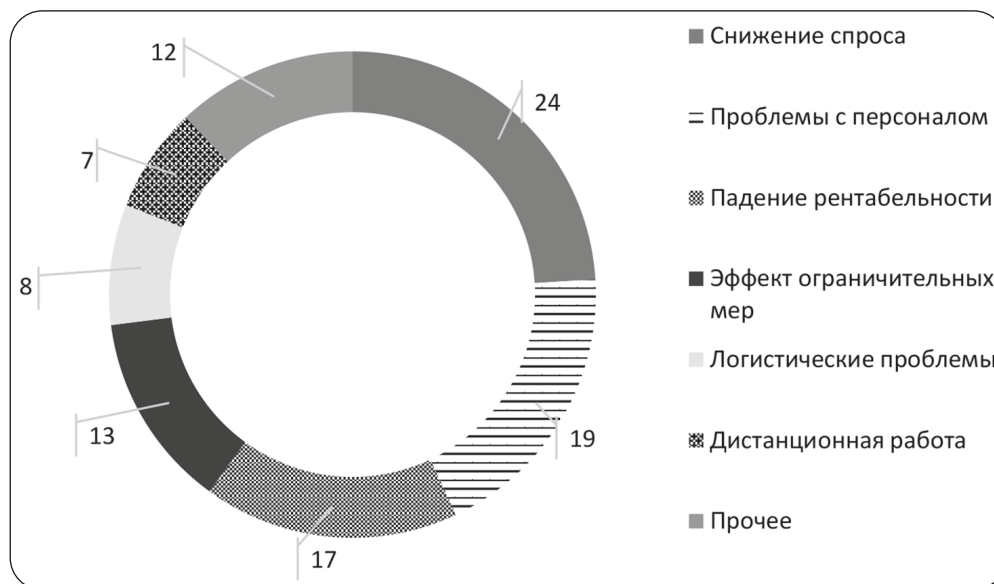

Рис. 20. Негативные эффекты пандемии, %

Примечание: ответы на вопрос «Как именно пандемия затронула различные аспекты бизнеса? Опишите своими словами три самых негативных фактора (если такие имеются)», $N = 197$.

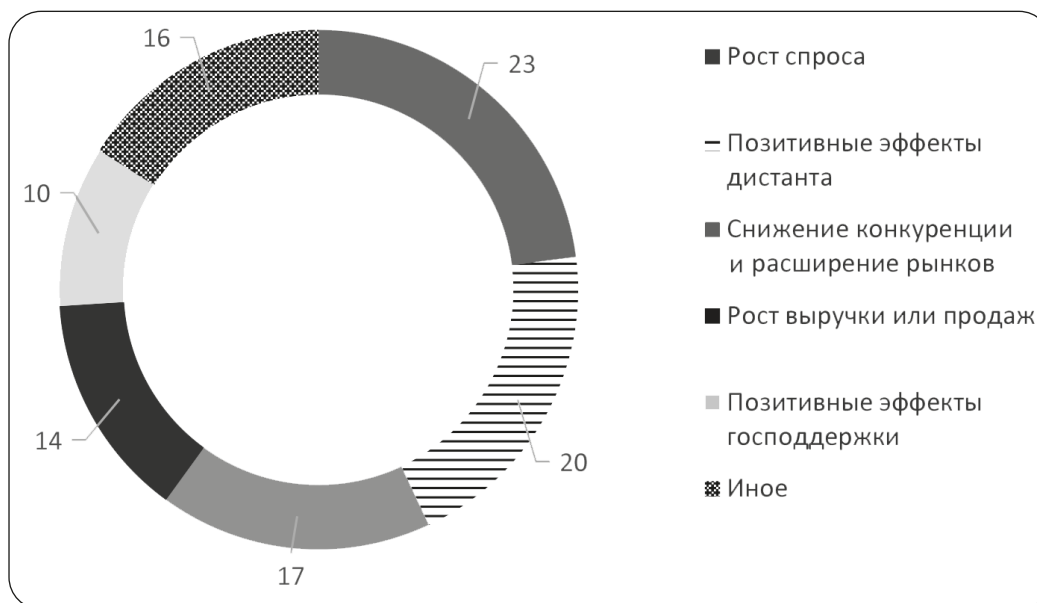

Рис. 21. Позитивные эффекты пандемии, %

Примечание: ответы на вопрос «Как именно пандемия затронула различные аспекты бизнеса? Опишите своими словами три самых позитивных фактора (если такие имеются)», $N = 99$.

снижением спроса (24%). В этой категории назывались падение объема работ и услуг, замораживание проектов у заказчиков, закрытие и уход с рынка контрагентов. Следующей по частотности была группа различных проблем с персоналом (19%), в том числе нехватка работников, рост нагрузки на оставшихся, вынужденные увольнения сотрудников из-за снижения оборота, простои из-за заболеваний и самоизоляции, смерть сотрудников. Падение рентабельности и подобные проблемы (17%) компании связывают с ростом цен, увеличением имеющих или возникновением новых расходов (например, на обеспечение санитарных мер и т.п.), снижением выручки при выросших расходах.

Негативный эффект ограничительных мер (13%) был связан с нехваткой иностранных или иногородних работников, невозможностью лично встречаться с клиентами и контрагентами, выехать в командировку по России и за границу по делам бизнеса. Логистические проблемы (8%) несколько

неожиданно не очень сильно затронули опрошенные компании; их негативные эффекты включают в себя задержки поставок, разрывы логистических цепочек. Только 7% компаний негативно оценили переход на формат дистанционной работы. Среди назвавших этот вариант оказались те, кто отмечал снижение эффективности дистанта и необходимость контролировать сотрудников. В последнюю группу вошли прочие негативные эффекты: дефицит сырья, запчастей или комплектующих; снижение качества или интенсивности работы бизнеса; перебой в работе; общеэкономический спад; стресс и неопределенность.

В числе позитивных эффектов, которые испытали опрошенные компании в ходе пандемии (рис. 21), названо следующее: у 23% компаний вырос спрос на их продукты или услуги. Достаточно много компаний (20%) отметили положительные эффекты удаленной работы. По содержанию отдельных ответов видно, что это либо позитивный эффект дистанционной работы

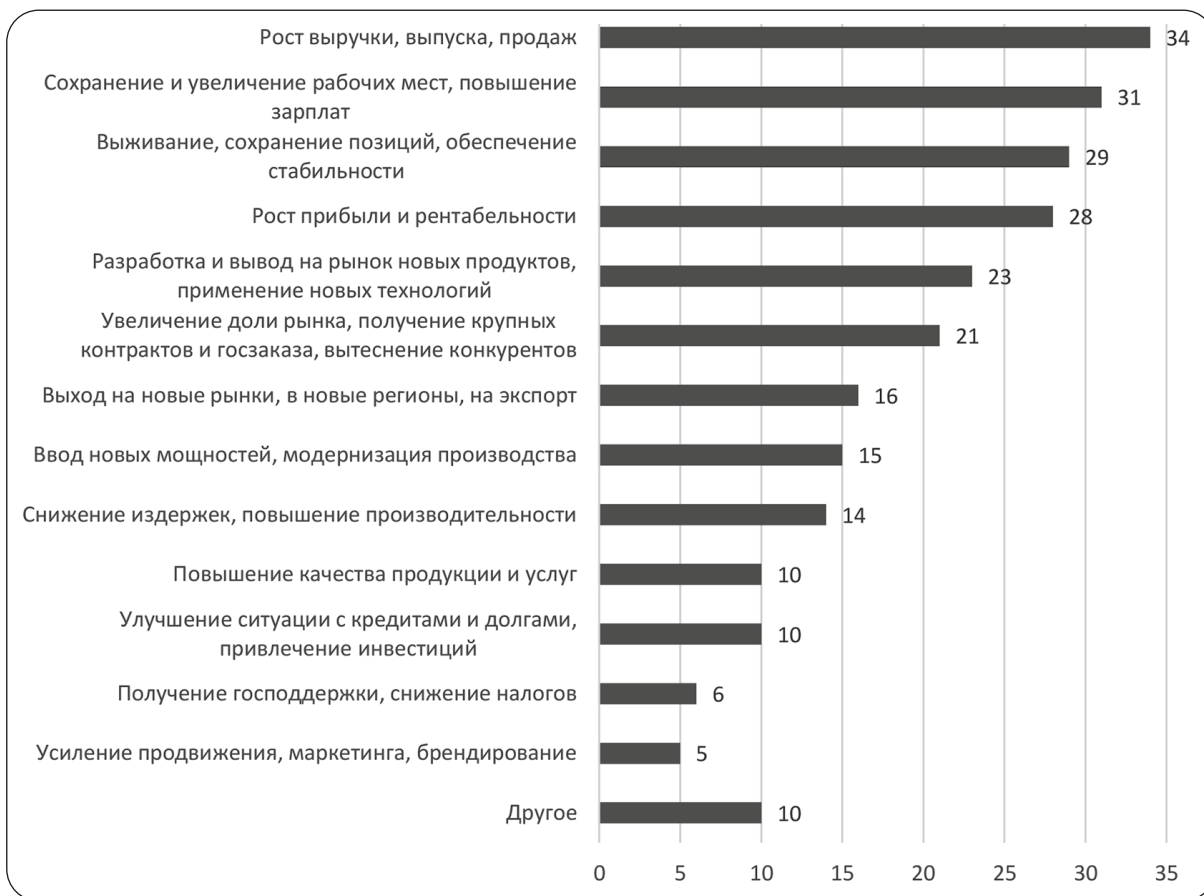

Рис. 22. Приоритеты опрошенных компаний на ближайшие три года, %

Примечание: ответы на вопрос «Как бы Вы своими словами сформулировали три важнейшие цели, которых компания должна добиться в ближайшие три года», $N = 147$.

в целом, без конкретизации, либо то, что можно назвать следствием необходимости перейти на удаленную работу, а именно улучшение или оптимизация бизнес-процессов, цифровизация бизнеса в разных аспектах, создание новых продуктов и услуг. Заметная доля компаний уже использовала пандемию для рыночной экспансии (17%).

В отдельных ответах, включенных в эту категорию, ощущается даже некоторое воодушевление предпринимателей, получивших новые возможности: «захватывать рынок, пока все страдают», «пока все паниковали, мы расширились». Многие отметили снижение конкуренции — как естественное (заккрытие конкурентов), так

и вынужденное (нарушение логистики и приостановка трансграничных операций: «отсутствие работы западных компаний», «уход с рынка более мелких компаний», «некомпетентные организации позакрывались, конкурентов стало меньше, объем (продаж) стал больше»). Рост выручки или продаж в качестве заметного позитивного эффекта отметили 14% респондентов.

Примечательно, что даже в условиях постпандемийных кризисных явлений и серьезных внешних и внутренних шоков весны 2022 г. опрошенные компании в основном ориентированы на рост, а не на выживание (рис. 22). Безусловно, проблемы выживания и сохранения стабильности

их также волнуют — соответствующую цель в качестве одного из трех приоритетов назвали 29% опрошенных компаний (обобщенно сформулировано при обработке ответов как «Выживание, сохранение позиций, обеспечение стабильности»).

Однако на первые позиции вышли ответы, так или иначе связанные с планами роста выручки (продаж, выпуска), — 34%, сохранения и увеличения рабочих мест — 31%, прибыли и рентабельности — 28%. Конкретные формулировки, использованные компаниями, включают «выход на мировой рынок, занятие уверенных позиций», «увеличение оборота на 25–30%», «занять хотя бы 90% рынка», «удвоить оборот», «нарастить объем выручки в три раза».

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Авторы настоящей работы приступали к исследованию российских БРК с изрядной долей скепсиса: удастся ли вообще обнаружить в российской экономике признаки быстрого роста? Ведь расчеты быстрого роста необходимо было производить на основе данных за 2020 г. Напомним, это был год, когда не только отечественная, но и почти вся мировая экономика остановилась или сильно замедлилась примерно на полгода из-за эпидемии COVID-19. Аналитики и руководители экономических ведомств панически искали источники возобновления роста.

Однако дальнейший анализ ситуации с БРК показал, что она не столь критична. Если крупнейшие российские компании, в основном связанные с сектором добычи и первичной переработки сырья, действительно продемонстрировали в 2020 г. не лучшие показатели, то среди относительно небольших компаний, ориентированных прежде всего на внутренний рынок, нашлось не так уж мало тех, кто смог добиться весьма впечатляющих результатов. Опровергая прогнозы скептиков, 28 617 российских компаний продемонстрировали в 2020 г. ежегодный рост выручки более

20% по сравнению с 2017 г. Совокупная выручка российских БРК выросла с 9,4 трлн руб. в 2017 г. до 26,1 трлн руб. в 2020 г., увеличиваясь на 41% ежегодно.

Кроме того, на российском эмпирическом материале нам удалось показать главную роль БРК в приросте общей выручки отечественного бизнеса. Ключевое значение БРК для экономического роста и занятости — одна из самых популярных и неоднократно подтвержденных на примере экономик разных стран гипотез. Сравнение динамики выручки российских компаний с числом сотрудников более 10 человек и динамики выручки БРК, входящих в состав этой выборки, показывает, что, составляя менее шестой части от всех компаний, БРК ответственны за формирование 60% прироста выручки. Экстраполируя данное наблюдение на массив всех российских компаний, можно утверждать, что в России именно БРК вносят основной вклад в экономический рост, что соответствует аналогичным выводам зарубежных исследователей на материале других стран.

Вполне впечатляющие результаты БРК продемонстрировали и по росту занятости. Совокупная занятость выросла с 1,5 млн до 2,5 млн человек, со среднегодовым приростом 18%. БРК имеют высокую отдачу на одного занятого, в результате чего им удается не только создавать большое число рабочих мест, но и добиваться роста за счет улучшения показателей производительности труда, а не экстенсивного наращивания занятости.

Лидирующие позиции по размеру выручки на одну компанию занимают добыча полезных ископаемых, торговля, высокотехнологичное производство. Можно констатировать, что в добыче и высокотехнологичных производствах среди БРК представлены в основном крупные компании. Еще одно важное отраслевое наблюдение: удельный вес БРК в секторе строительства примерно в 1,5 раза выше, чем в целом по экономике. Это свидетельствует о том, что в 2017–2020 гг. строи-

тельство было одним из локомотивов экономического роста в стране.

Проверка гипотезы об относительной молодости компаний, переживающих фазу быстрого роста, показала следующее. Анализ возраста компаний демонстрирует, что самая большая доля — 45% среди БРК принадлежит относительно молодым компаниям (до 10 лет), однако совсем молодых (моложе 6 лет) среди них всего 7%, что перекликается с данными ОЭСР по быстрорастущим МСП, среди которых абсолютное большинство компаний старше 6 лет [ОЭСР, 2021].

Вопрос об устойчивости роста БРК, наверное, является самым дискуссионным для исследователей рассматриваемого вида бизнеса. Утверждение о том, что быстрый рост — это не характеристика компании, а эпизод ее жизни, достаточно популярно и неоднократно как подтверждалось, так и опровергалось на различных выборах. Напомним, что во многих публикациях подчеркивалось, что быстрый рост является крайне неустойчивой характеристикой. Обзор таких публикаций см. в [Медовников и др., 2022, с. 15–19]. В результате многие авторы делают вывод о неэффективности ориентации программ государственной поддержки бизнеса на использование критерия предыдущего быстрого роста при отборе компаний в такие программы.

В рамках настоящего исследования выяснилось, что более 3/4 БРК, имевших эпизоды роста по состоянию на 2020 г., в прошлом также эпизодически росли. Не имели ни одного эпизода быстрого роста, кроме базового, примерно четверть (23%) всех обследуемых БРК. В ходе анализа отдельно рассматривались вопросы о взаимосвязи быстрого роста и инновационности бизнеса, о корреляции устойчивости быстрого роста и инновационной активности. Они также являются предметом полемики во многих публикациях о БРК, обсуждавшихся, в частности, в [Медовников и др., 2022, с. 27–32].

В результате проведенного анализа среди БРК было выявлено 1413 компаний,

которые были идентифицированы как инновационно-активные. Они составляют 5% от всего массива БРК. В то же время по величине выручки инновационно-активные БРК составляют 16% от всех БРК. Это свидетельствует о том, что среди инновационных БРК представлены компании с относительно большей величиной выручки, чем по БРК в целом. Количественно 2/3 инновационных компаний сосредоточены в трех технологических секторах: секторе высокотехнологичных наукоемких услуг (41%), средне-высокотехнологичных (15%) и высокотехнологичных производств (9%). Можно утверждать, что в сегменте БРК инновационная активность тесно связана с высокотехнологичными секторами.

Анализ устойчивости быстрого роста отчетливо показывает, что среди инновационно-активных БРК компании с повторными эпизодами быстрого роста встречаются гораздо чаще, чем среди остальных. Можно предположить, что наличие у компании таких активов, как патенты, вложения в НИОКР, умение работать со сложными технологиями и технологическим оборудованием, команда квалифицированных специалистов, создает надежное основание для достаточно продолжительного роста. В этой связи поддержка именно инновационно-активных компаний со стороны государства может стать перспективным направлением в поддержке быстрорастущих компаний.

Как отмечалось, в течение последних двух лет наблюдается всплеск публикаций об устойчивости БРК к кризисам, что вызвано прежде всего пандемией COVID-19. Результаты нашего опроса позволили увидеть оценку компаниями ситуации в ковидные 2020–2021 гг. и в какой-то мере «заглянуть» в новый кризис, начавший разворачиваться после 24 февраля 2022 г. В частности, опрос показал, что БРК в целом позитивно оценивают итоги не только 2020 г., но и 2021 г. (оценки по 17 показателям везде выше среднего уровня). В то же время компании характеризуют

период с 2017 по 2020 г. более позитивно, чем 2021 г. в сравнении с 2020 г.

Главным фактором, определившим ситуацию в 2020 г., была, безусловно, пандемия COVID-19. Несмотря на общий рост в период с 2017 по 2020 г., многие компании, отнесенные к БРК, серьезно пострадали от ее последствий. В этой связи особенно интересны оценки компаниями влияния коронавирусного кризиса на их бизнес. Большинство компаний (42%) утверждают, что на них пандемия вообще никак не сказалась, 33% оценивают ее влияние скорее как позитивное, а 26% — как негативное. У 23% компаний вырос спрос на их продукты или услуги. Достаточно много компаний (20%) отметили положительные эффекты удаленной работы.

Примечательно, что опрошенные БРК не только благополучно прошли испытание коронавирусным кризисом 2020–2021 гг., но и в наиболее сложный период внутренних шоков весны 2022 г. в большинстве своем были ориентированы на дальнейший рост. В ответах на вопрос о дальнейших планах в качестве важнейших приоритетов они назвали нацеленность на рост бизнеса показателей выручки, продаж, выпуска (34%), а также решение кадровых вопросов (сохранение и увеличение рабочих мест и доходов сотрудников) (31%). Что касается задач по выживанию в ходе кризиса и сохранению стабильности, то они заняли только третье место (29%) в числе приоритетов. Все это свидетельствует о том, что российские БРК должны стать одним из приоритетных субъектов предоставления господдержки в период кризиса. Такая поддержка не только позволит им сохранить собственные быстрые темпы роста, но и даст импульс для роста экономики в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Быстрорастущие компании являются объектом пристального внимания для зарубежных исследователей, но относительно малоизученным на российском фактиче-

ском материале и недостаточно оцененным со стороны государства и общества. Вместе с тем именно этот сегмент бизнеса отвечает за экономический рост страны. Проявленный в 2022–2023 гг. на уровне высшего руководства России интерес к поддержке быстрорастущих компаний возлагает надежды на изменение ситуации в стране, однако одновременно требует наращивания усилий отечественного научного сообщества по более глубокому изучению феномена газелей. Это даст возможность предложить более целевые и эффективные инструменты их поддержки. Прежде всего следует обратить внимание на налаживание системы регулярного наблюдения за развитием слоя быстрорастущих компаний и происходящих в нем изменений, особенно в условиях разнообразных кризисных явлений. При этом количественные измерения должны сопровождаться наблюдением за газелями на «микроуровне», так как именно в таких компаниях формируются лучшие практики в области менеджмента, маркетинга, управления человеческим капиталом. Требуются глубокие и качественные описания таких практик на примерах российских компаний, исследовательские и образовательные кейсы, помогающие выявить факторы и управленческие решения, обеспечивающие быстрый рост. Особенно важно сосредоточить внимание исследователей на тех «ударопрочных» газелях, которые добиваются быстрого роста на длинных временных отрезках.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность за важные замечания, обсуждение и поддержку исследования д-ру экон. наук, проф. В. С. Катькало и д-ру экон. наук, проф. С. П. Кущу.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Баранова Е. И., Юданов А. Ю. 2022. Стилизованный цикл жизни быстрорастущих фирм в России. *Вопросы экономики* (3): 77–97.
- Гохберг Л. М., Куценко Е. С., Тюрчев К. С. 2022. Китайский учет технологических компаний. ИСИЭЗ ВШЭ. [Электронный ресурс]. <https://issek.hse.ru/news/777789378.html> (дата обращения: 03.10.2022).
- Ермилова Ю. 2020. Омбудсмен Наталья Попова: миссия — помочь инновационным компаниям одолеть «долину смерти». ТАСС. [Электронный ресурс]. <https://tass.ru/interviews/8040237> (дата обращения: 07.07.2022).
- Жиганов А. В., Юданов А. Ю. 2019. Быстрорастущие компании в России: влияние аффилированности на факторы роста. *Российский журнал менеджмента* 17 (3): 287–308.
- Марыина А. 2021. Власти предложили увеличить предельные значения дохода для компаний малого и среднего бизнеса: что они не учли. *Сетевое издание RB.RU*. [Электронный ресурс]. <https://rb.ru/story/msb-revenue/> (дата обращения: 07.07.2022).
- Медовников Д. С., Розмирович С. Д., Оганесян Т. К. 2022. Российские быстрорастущие компании: размер популяции, инновационность, отношение к господдержке. *Аналитические доклады Высшей школы бизнеса ВШЭ*. Вып. 2. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Петрова В. 2022. Сумма технологиям. *Коммерсант*. № 163. [Электронный ресурс]. <https://www.kommersant.ru/doc/5547507> (дата обращения: 07.09.2022).
- Полунин Ю. А., Юданов А. Ю. 2016. Российские быстрорастущие компании: испытание депрессией. *Мир новой экономики* (2): 103–112.
- Полунин Ю. А., Юданов А. Ю. 2020. Господдержка быстрорастущих компаний: рождение новой идеологии промышленной политики? *Мир новой экономики* 14 (1): 62–76.
- Юданов А. Ю. 2010. Покорители «голубых океанов» (фирмы-«газели» в России). *Современная конкуренция* 2 (20): 27–48.
- Юданов А. Ю. 2012а. Не как все: об управленческой практике фирм-газелей. *Мир новой экономики* (3–4): 6–12.
- Юданов А. Ю. 2012b. Фирмы-газели: нестандартные подходы к организационным изменениям. *Менеджмент и бизнес-администрирование* (3): 152–168.
- Юданов А. Ю., Яковлев А. А. 2018. «Неортодоксальные» быстрорастущие фирмы-«газели» и порядок ограниченного доступа. *Вопросы экономики* (3): 80–101.

REFERENCES IN LATIN ALPHABET

- Anyadike-Danes M., Bonner K., Hart M., Mason K. 2009. *Measuring Business Growth: High-growth firms and their contribution to employment in the UK*. NESTA — National Endowment for Science, Technology and the Arts: London.
- Banno M., Varum C. A. 2021. Champions during crises scenarios: High growth and persistent high growth firms. *Research in Applied Economics* 13 (2): 1–22.
- Benedetti Fasil C., Del Rio J. C., Domnick C. 2021. *High growth enterprises in the COVID-19 crisis context. Technical Report by the Joint Research Centre (JRC), the European Commission's Science and Knowledge Service*. Publications Office of the European Union, Luxembourg.
- Birch D. L. 1981. Who creates jobs? *The Public Interest* 65: 3–14.
- Coad A., Rao R. 2008. Innovation and firm growth in high-tech sectors: A quantile regression approach. *Research Policy* 37 (4): 633–648.
- Daunfeldt S.-O., Halvarsson D. 2015. Are high-growth firms one-hit wonders? Evidence from Sweden. *Small Business Economics* 44: 361–383.

- Eurostat. 2007. *OECD Manual on Business Demography Statistics*. [Electronic resource]. <https://www.oecd.org/sdd/business-stats/eurostat-oecdmanualonbusinessdemographystatistics.html> (accessed: 02.02.2023).
- Grillitsch M., Schubert T., Srholec M. 2019. Knowledge base combinations and firm growth. *Research Policy* **48** (1): 234–247.
- Grover Goswami A., Medvedev D., Olafsen E. 2019. *High-Growth Firms: Facts, Fiction, and Policy Options for Emerging Economies*. World Bank: Washington, DC. [Electronic resource]. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/30800> (accessed: 02.02.2023).
- Henrekson M., Johansson D. 2010. Gazelles as job creators: A survey and interpretation of the evidence. *Small Business Economics* **35**: 227–244.
- Mason G., Bishop K., Robinson C. 2009. *Business Growth and Innovation: The Wider Impact of Rapidly-growing Firms in UK City-regions*. NESTA — National Endowment for Science, Technology and the Arts: London.
- NESTA. 2009. The vital 6 per cent. How high-growth innovative businesses generate prosperity and jobs. *Research Summary*.
- OECD. 2010. High-growth Enterprises: What Governments Can Do to Make a Difference. *OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship*. OECD Publishing.
- OECD. 2021. Understanding Firm Growth. Helping SMEs Scale Up.
- Schepers J., Vandekerckhof P., Dillen Y. 2021. The impact of the COVID-19 crisis on growth-oriented SMEs: Building entrepreneurial resilience. *Sustainability* **13**: 9296.

TRANSLATION OF REFERENCES IN RUSSIAN INTO ENGLISH

- Baranova E. I., Yudanov A. Yu. 2022. Stylized life cycle of high-growth companies in Russia. *Voprosy Ekonomiki* **3**: 77–97. (In Russian)
- Gokhberg L. M., Kutsenko E. S., Tyurchev K. S. 2022. Chinese accounting of technology companies. *ISSEK HSE*. [Electronic resource]. <https://issek.hse.ru/news/777789378.html> (accessed: 03.10.2022). (In Russian)
- Yermilova Yu. 2020. Ombudsman Natalia Popova: Mission is to help innovative companies overcome the “valley of death”. *TASS*. [Electronic resource]. <https://tass.ru/interviews/8040237> (accessed: 07.07.2022). (In Russian)
- Zhiganov A. V., Yudanov A. Yu. 2019. High-Growth Companies in Russia: The Influence of Affiliation on Growth Factors. *Russian Management Journal* **17** (3): 287–308. (In Russian)
- Maryina A. 2021. The authorities proposed to increase the income margins for small and medium-sized businesses: What they did not take into account. *RB.RU*. [Electronic resource]. <https://rb.ru/story/msb-revenue/> (accessed: 07.07.2022). (In Russian)
- Medovnikov D. S., Rozmirovich S. D., Oganesy-an T. K. 2022. Russian high growth companies: Population size, innovativeness, attitude to state support. *Analytical Reports of the HSE Graduate School of Business*. Issue 2. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russian)
- Petrova V. 2022. Summa for Technologies. *Kommersant* **163**. [Electronic resource]. <https://www.kommersant.ru/doc/5547507> (accessed: 07.09.2022). (In Russian)
- Polunin Yu. A., Yudanov A. Yu. 2016. Russia's High-Growth Companies: Tested Through Depression. *The World of New Economy* **2**: 103–112. (In Russian)
- Polunin Yu. A., Yudanov A. Yu. 2020. The Public Policy to Support High Growth Firms: Is a New Ideology of Industrial Policy Born?

- The World of New Economy* 14 (1): 62–76. (In Russian)
- Yudanov A. Yu. 2010. Conquerors of Blue Oceans (Gazel-Firms in Russia). *Sovremennaya Konkurentsiya [Journal of Modern Competition]* 2 (20): 27–48. (In Russian)
- Yudanov A. Yu. 2012a. Not like everyone else: about the management practice of gazelles. *The World of New Economy* (3–4): 6–12. (In Russian)
- Yudanov A. Yu. 2012b. Firm-Gazelle: Non-Standard Approaches to Organizational Variations. *Menedzhment i biznes-administrirovaniye [Management and Business Administration]* (3): 152–168. (In Russian)
- Yudanov A. Yu., Yakovlev A. A. 2018. “Unorthodox” fast-growing firms (gazelles) and North’s limited access order. *Voprosy Ekonomiki* (3): 80–101. (In Russian)

Статья поступила в редакцию
6 февраля 2023 г.
Принята к публикации
4 апреля 2023 г.

Gazelle companies in the Russian economy: Innovation, steady rise, and crisis response

D. S. Medovnikov, S. D. Rozmirovich, T. K. Oganesyanyan, A. K. Stepanov, S. A. Mazurova
HSE University, Russia

Goal: verification of the most popular hypotheses found in the world academic literature on High Growth Companies (HGCs) using Russian empirical data and statistics. **Research methodology:** desk research of publications; analysis of statistics from Ruslana, the database of Russian and Ukrainian companies (maintained by Bureau van Dijk — a Moody’s Analytics company) which contains financial indicators, tax reporting data, and other information; analysis of information from the Professional Market and Company Analysis System (SPARK) and Federal Institute of Industrial Property (Rospatent) databases on intellectual property ownership; and review of companies through formal questions in survey interviews. **Findings:** this study demonstrates the key contribution of the HGCs sector to economic growth: HGCs, which represent 15% of the total number of companies with revenues and more than 10 employees, generate 60% of the revenue growth of all Russian companies and employment growth from 1.5 million to 2.5 million in 2017–2020. In the past, 77% of HGCs grew sporadically, which does not support the hypothesis of unsustainable growth for most HGCs and can be the basis for using the rapid growth criterion for selective government support of business entities. There is evidence that innovative companies have more stable rates of rapid growth over the five-year period prior to this research. Based on the company survey, an assumption is formulated about the high resilience of Russian HGCs to external shocks including pandemic, Russia’s military operations, and sanctions against the country, and the HGCs’ willingness to continue growth despite existing difficulties and risks. **Originality and contribution of the authors:** for the first time in Russia, this study analyzes the full set of Russian HGCs using a comprehensive statistical database. This allows us to compare HGCs from different industries and identify their industry-specific characteristics. In addition, we identify a group of innovative HGCs and show the characteristics of this type of companies. The materials obtained as a result of the review of companies supplement the results of the analysis of statistical data.

Keywords: gazelles, high growth companies, innovation, coronavirus pandemic, sanctions against Russia, economic growth, rapid growth, sustainable growth.

For citation: Medovnikov D.S., Rozmirovich S.D., Oganesyanyan T.K., Stepanov A.K., Mazurova S.A. 2023. Gazelle companies in the Russian economy: Innovation, steady rise, and crisis response. *Russian Management Journal* **21** (2): 164–197.
<https://doi.org/10.21638/spbu18.2023.202> (In Russian)

Для цитирования: Медовников Д.С., Розмирович С.Д., Оганесян Т.К., Степанов А.К., Мазурова С.А. 2023. Компании-«газели» в российской экономике: устойчивость роста, инновационность, реакция на кризисы. *Российский журнал менеджмента* **21** (2): 164–197.
<https://doi.org/10.21638/spbu18.2023.202>

Initial Submission: February 6, 2023
Final Version Accepted: April 4, 2023